

Владимир ПЕРШАНИН

ШТРАФНИК, ТАНКИСТ, СМЕРТНИК

Танкист-штрафник

Владимир Першанин

Штрафник, танкист, смертник

«Яуза»

Першанин В. Н.

Штрафник, танкист, смертник / В. Н. Першанин — «Яуза»,
— (Танкист-штрафник)

Он прошел огонь, кровь и медные трубы. Он выжил в страшной мясорубке 1941 года и кромешном аду 42-го. Он был штрафником-смертником, шесть раз горел в танке, но всегда возвращался в строй. За плечами у него – оборона Москвы и победа под Сталинградом, а впереди – тяжелейшие бои за Харьков, Курская дуга и битва за Днепр... Не ждите от этой книги победных фанфар и дежурных славословий. Это не легкое чтение и не досужие вымыслы полуграмотных «беллетристов». Это – жестокая, правда о том, через что пришлось пройти нашим дедам и прадедам, сломавшим хребет фашистскому зверю. Правда, о том, какая цена заплачена за Великую Победу.

© Першанин В. Н.

© Яуза

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Першанин

Штрафник, танкист, смертник

ПРЕДИСЛОВИЕ

Март, 1943 год

Лес был негустой, да еще крепко прореженный не раз и не два прокатившимися через него боями. В эти мартовские дни сорок третьего года танковый корпус СС, танковые дивизии «Лейбштандарт», «Райх», а также другие соединения под командованием фельдмаршала Манштейна затягивали кольцо вокруг Харькова, который совсем недавно был освобожден советскими войсками. Три немецкие дивизии кроме модернизированных танков Т-3 и Т-4 имели в своем составе по батальону невиданных громадин Т-6 («тигр»). Манштейн, ведя мощное наступление с 22 февраля, заглаживал свою неудачу под Сталинградом, и это ему пока удавалось. Под ударами немецких танковых и моторизованных дивизий наши части отступали. А чаще, выполняя приказ «Ни шагу назад!», вели бои до последнего, погибали, попадали в котлы, а затем в плен, и лишь немногие прорывались к своим.

В лесу скопились остатки двух танковых батальонов, сотни четыре пехотинцев из разных частей, несколько орудий, обоз с ранеными. Толклись еще какие-то мелкие группы, державшиеся вроде вместе с нами, но несколько в стороне. Чудом вырвавшись из-под немецкого катка, они не знали, что делать. Командование взял на себя командир первого танкового батальона майор Колобов. Оставшиеся двенадцать танков он разделил на роты. Я был в своей прежней должности командира Т-34. Вскоре нас засекли с воздуха, а затем три немецких танка с расстояния полутора километров принялись методично обстреливать лес. Снаряды падали с интервалом в полминуты. Нас выкуривали. Чаще всего фугасные и осколочные снаряды рассеивались среди деревьев, не принося существенного вреда.

Но вскоре накрыло отделение пехотинцев, потом разбило одну из немногих оставшихся пушек, загорелась полуторка, из которой спешно вытаскивали раненых. Столб дыма послужил неплохим ориентиром, и немецкие Т-4, приблизившись, усилили огонь. Осколочный снаряд врезался в тополь и осыпал дождем осколков окопы, вырытые возле танков. Убило радиста со стационарной рацией, которая позволяла нам сквозь шум помех кое-как связываться со штабом корпуса. Адьютант Колобова, шустрый младший лейтенант, бегавший под огнем от одного подразделения к другому, упал в нескольких шагах от моего танка, убитый наповал крупным осколком. Когда загорелась вторая полуторка, Колобов приказал готовиться к отходу, а нашей роте «заткнуть пасть этим уродам».

Рота из четырех танков вырвалась на скорости и понеслась по полю, покрытому осевшим темным снегом. Мы открыли огонь по тяжелым Т-4, которые ответили нам из своих длинноствольных 75-миллиметровок. Вступать в бой немцы не стремились, перед панцерами стояла другая задача. Но бой все же состоялся. Мы крепко зацепили одного фрица, а взамен получили снаряд в ходовую часть «тридцатьчетверки». Истратив последние дымовые шашки, мы попытались взять ее на буксир, но снаряды падали слишком густо. Ударило в лоб машину ротного, потом еще раз угодило в подбитый танк. Он загорелся. Мы, подобрав уцелевшего механика, стрелка-радиста, кинулись догонять своих. А Т-4 все же добились. Я всадил в него три снаряда, и массивная коробка пыхнула ярким бензиновым пламенем. Потом мы присоединились к нашей колонне. Шли неизвестно куда, оставив в лесу горевшие полуторки и тела товарищей, которых успели наскоро похоронить в одной из глубоких воронок.

ГЛАВА 1

Я, Алексей Дмитриевич Волков, недоучившийся студент Сталинградского учительского института, закончив в два приема Саратовское танковое училище, принял свой первый бой под городом Трубчевск Воронежской области. Выходил из окружения осенью сорок первого года, участвовал в боях под Москвой, воевал летом в составе танковой бригады 13-й армии Брянского фронта, был дважды ранен. За оставление полуразбитого танка, на котором, по мнению трибунала, мог еще воевать, был разжалован в рядовые. В качестве штрафника попал в особую танковую роту – одно из подразделений, осуществлявших рейды в немецкий тыл в период Сталинградской битвы.

Был реабилитирован, снова ранен в середине января сорок третьего года и эвакуирован в госпиталь в небольшой поселок Анна, в глубине Воронежской области, расположенный на речке с необычным названием Битюг. На этот раз я попал в разряд тяжелораненых. Хотя меня так не мучили, вытаскивая многочисленные осколки, как это было год назад в Новониколаевском госпитале, но неделю я пробыл между тем и этим светом.

Пуля пробила навывлет грудь под правой лопаткой. Я получил еще какие-то осколки по мелочи, но самой тяжелой была пулевая рана. Пока меня тащил до санбата стрелок-радист Саша Черный, я потерял много крови. В госпитале началось воспаление. Особенно запомнились три ночи. Сильно поднялась температура. Я бредил, ненадолго погружался в сон и снова лежал, уставившись в потолок. Судя по тому, что вокруг меня часто появлялись врачи и дежурила пожилая санитарка – дело обстояло хреново.

– Помру? – спросил я у санитарки, лет сорока пяти, которую называл «бабушка».

– Да что ты, дедушка, – улыбалась женщина. – Тебя такие хорошие доктора лечат. И лекарства американские.

– Американские, – бессмысленно повторял я, мало вникая в смысл слов.

Очень хотелось спать, но «санитарка-бабушка» и соседи по палате без конца будили меня. Неподалеку на столе горела слабым накалом электрическая лампочка. Я ворочался, потом снова пытался заснуть. Голову теребила теплая рука.

– Леша... не спи.

Приносили кружку крепкого чая. Я выпивал, потом кое-как справлял малую нужду. Постепенно наступал поздний зимний рассвет, начинали просыпаться, переговариваться соседи. О чем-то спрашивали. Я отвечал или мне казалось, что отвечаю. Заснуть разрешали, когда становилось совсем светло. Потом объяснили, что у меня был кризис, а во сне организм ослабевает настолько, что сердце останавливается. Незаметно и совсем не больно. Так умирали многие. Ночью или на рассвете.

Кризис прошел, но еще с неделю оставался страх перед ночным сном. Третье ранение и второй госпиталь. Палата на пятнадцать человек. На этот раз командирская, хотя они мало чем отличаются от обычных солдатских. С января сорок третьего года, согласно новому Уставу, слово «командир» заменили на «офицер». Странное непривычное слово. Вспоминаются фильмы о Гражданской войне, о белогвардейских офицерах-белопогонниках. Лощеных, с усиками, в хромовых сапогах, безжалостно расстреливающих красногвардейцев. Нам тоже положены погоны и звездочки, но пока их нет ни у кого. Я видел в погонах лишь одного капитана, приехавшего из санитарного управления. Блестящие погоны, китель, медаль «За боевые заслуги» – смотрится красиво.

Когда миновал кризис, я быстро пошел на поправку. Врачи говорили, что мне повезло, пуля не задела легкое. Но спать было очень неудобно. Болела вся правая сторона груди, и медленно зарастал вырванный второй пулей клочок мяса под мышкой. Каждое утро, перед обходом врачей, к нам забегал комсорг. Приносил газеты. Веселый парень, тяжело раненный осколком

в грудь еще в октябре. После врачей и комсорга «товарищей офицеров» посещал комиссар госпиталя. Правда, не каждый день – все же полковой комиссар! Скоро он тоже будет носить общевойсковое звание. Наверное, присвоят подполковника. Однажды комиссар побеседовал даже со мной. Спросил, как настроение. В принципе, он был неплохой дядька, но, имея за плечами бои и отступление сорок первого – сорок второго года, я раздражался, когда тыловики играли роль бодрячков. Я ответил, что настроение нормальное, жалоб нет.

– Нормальное! – хлопал себя по колену комиссар. – Оно должно быть отличным! Ты что, газет не читаешь? Армия Паулюса капитулировала. Сто пятьдесят тысяч фашистов уничтожено и девяносто тысяч в плен взято! Сломали хребет гитлеровской гадине. Поправляйся, танкист. Тебе работы много предстоит. Будем гнать врага.

Кстати, при всем моем недоверии к нашим официальным сводкам, цифры о потерях немецких войск в Сталинградской битве были близки к истине. Скорее всего, не дал соврать лично Сталин. Читая позже западных историков, я убедился, что их данные почти не отличаются от цифр, приведенных нашими средствами информации. Правда, о потерях Красной Армии приводились данные очень разноречивые. Даже спустя два десятка лет в шеститомнике «Истории Великой Отечественной войны» я не сумел найти этих сведений. Не сомневаюсь, что потери были огромные.

В госпитале царила праздничная атмосфера. В газетах и по радио звучало слово «Сталинград». На фотографиях в газетах виднелись бесконечные колонны военнопленных, целые поля торчавших из-под снега немецких трупов, разбитая военная техника. В коридоре на стене висела большая карта, на которой красными флажками отмечались взятые города. 16 февраля войсками Воронежского фронта был освобожден Харьков.

Эту победу мы крепко отпраздновали. Собрали денег, кое-какие трофейные вещицы, купили два литра самогона. Красная Армия продвинулась вперед, где на сто пятьдесят, где на триста километров. Горячие головы, как и после победы под Москвой, утверждали, что наступление нашей армии уже не остановить. Большинство офицеров, имевшие опыт боевых действий, говорили об успехах более сдержанно. Мои соседи по палате носили воинские звания от младшего лейтенанта до капитана. Командиры взводов, редко – рот или батарей. Танкистов было двое. Лейтенант Женя Рогозин и я.

Как и год назад в Новониколаевском госпитале, у нас сбилась небольшая компания. Запомнился мне капитан Михаил Филиппович Мякотин, командир стрелковой роты. Он был старшим в палате. Вместе с ним, командиром взвода Женей Рогозиным и еще двумя-тремя лейтенантами мы любили посидеть в дальнем углу коридора у окна. Обсуждали последние события, рассказывали, кто, где воевал, читали вместе письма из дома. Человеку требуется высказать, что скопилось на душе, и разговоры в нашей небольшой компании были откровенными.

Здесь, в отличие от госпиталя в Новониколаевском, собрались люди с немалым опытом, тем более командиры. К слову «офицер» мы привыкали с трудом. Женя Рогозин воевал с осени сорок второго, уже имел медаль «За боевые заслуги», а 22 февраля перед праздником ему прямо в госпитале вручили вторую медаль – «За отвагу». Он окончил Челябинское училище и очень удивлялся, что я участвую в боевых действиях с октября сорок первого и ни разу не награжден.

В какой-то степени это меня задевало. Танкистов награждали чаще других, не считая летчиков и, конечно, штабных работников. Впрочем, и Михаил Филиппович Мякотин, воевавший с ноября сорок первого года, дважды тяжело раненный, тоже не имел наград.

– За что мне медали вешать? – с невеселым смешком рассуждал капитан. – Я взводом с тридцать шестого командовал. Под Москвой доверили роту. К середине декабря нас всего восемь человек осталось, включая старшину и санинструктора. Дали передохнуть с месяцком, роту пополнили, а через неделю от роты снова отделение осталось. Политрука и взвод-

ных поубивало, меня шрапнелью уделало, едва выкарабкался. Четыре месяца в госпитале лежал.

– Во поганая штука, – сказал кто-то из лейтенантов. – Никуда от этой шрапнели не спрячешься.

– Это точно. В меня штук двенадцать шариков закатило. Окоп частично спас. Часть шрапнели в землю ушла, остальные я поймал. А под этот Новый год миной ранило. Опять больше десятка осколков попало. Два – с палец величиной. Руку почти напополам перебило.

Он шевелил тонкой левой рукой с ключьями сопревшей под гипсом кожи. Я тоже кое-что вспоминал. О том, как пережил три танка, попал в штрафники и мотался по немецким тылам, подстерегая автоколонны. В тот раз мы сидели втроем. Михаил Филиппович, Женя Rogozin и я. Меня словно прорвало. Я рассказывал об октябре сорок первого, о «гиблом овраге».

– Пытались прорваться. Целый батальон в овраге завяз. Ни вперед – ни назад. А нас минами сверху. В два слоя люди лежали. Мертвые, разорванные, раненые. Полтора года прошло – до сих пор снится. Но в сентябре сорок второго мы в тылу фрицам крепко врезали. Три колонны размолотили.

– Выходит, ты, Леха, десантник, – с уважением проговорил Женя Rogozin.

– Точнее, неудачником назови. Училище в два приема закончил, из подбитых танков едва успевал выскакивать. Из госпиталя выйду, кто я? Штрафник, окруженец, вечный командир танка.

– Немцев много побил?

– Точно не сосчитаешь. Мы ведь экипажами воюем. Дели на четверых. Но два панцера и бронетранспортер я размолотил. Пушек штук восемь раздавили. Пехоты побили много.

– Везучий ты, Лешка, – сказал Михаил Филиппович. – Три танка пережил. Значит, научился воевать. У меня в роте командиры взводов дольше двух недель не держались. А когда наступление – бывало сразу всех троих за день терял. Знаешь, в чем мы немцам уступаем?

– Знаю, – отозвался я. – Во многом. Но, прежде всего, в гибкости. Я за все время, может, раз или два видел, чтобы фрицы в лоб лезли. Зато целые поля нашей пехотой завалены. Пытались считать, бесполезно! Тысячи.

Я не сказал ничего нового. Все это прекрасно знал и видел любой мало-мальски повоевавший солдат или командир.

– Понимаешь, – горячился капитан. – Все по одной схеме. Артподготовка, полста снарядов, и вперед! За счастье считаем, если танки поддерживают. Ну и лупят нас почему зря. За какой хрен полковникам да генералам ордена вешают, если мы под каждой деревенькой то триста, то пятьсот молодых ребят в землю закапываем? А когда ворвемся в эту сгоревшую деревню, оказывается, против нашего полка какая-то сраная рота воевала. Зато минометов, пулеметов в достатке, и патронов не считано. Да еще гаубичная батарея из-за холма долбит то шрапнелью, то осколочными. Мы Ольховатку два дня брали. Потери страшные. Вечером пополнение приходит. А что с него толку? Завтра половина поляжет. Я пришел к комбату, предложил ночью по-тихому выбить фрицев из выселков, и оттуда, с фланга, брать эту чертову Ольховатку. Без всякой артподготовки. Ночной атакой. Тот мнется, а я ему золотые горы сулю. Мол, майора сразу получишь, орден! В дивизии тебя приметят. Сыграл на честолубии.

– Ну и что, удалось?

– Наполовину. Пока комбат ордена взвешивал, фрицы к выселкам еще людей подбросили. Тихо не получилось. Но оседлали все же окраину. Во драка была. Драка, но не тупая атака в лоб! Мужики озверели, когда с фрицами сцепились. Не столько стреляли, сколько прикладами и штыками били. Я сам из автомата троих завалил. Саперными лопатками фрицев в капусту рубили. Утром смотреть страшно было. Первый раз потери один к одному получились. Трофеями разжились. По крайней мере, поле с нашими трупами позади не оставили. Дали немцу просрать. А Ольховатку тоже взяли. Правда, уже с танками. Через пару дней.

Письма. Вот чего мы больше всего ждали. Я получил сразу несколько штук. От мамы, сестры Тани, однокурсницы Лены Батуриной и совершенно неожиданно – от Никона Бочарова. Моего десантника, с кем я воевал в штрафной роте. Мамино письмо, написанное аккуратным учительским почерком, опять болезненно ворохнуло в груди. Едва не через строчку звучала мольба: «Ради бога, выживи, сынок...» Я тут же написал ответ, где с чистым сердцем наврал, что уже полгода числюсь в ремонтной роте, пригодилась практика на Судоверфи. Ранен был случайным осколком и теперь выздоравливаю.

Сестра Таня вышла замуж за кого-то из поселковых ребят. Надеялась, что мужа оставят по броне как работника оборонного предприятия, однако его забрали на фронт через месяц. Письмо от Тани было более веселым, если может быть веселье среди войны в разрушенном Сталинграде. Правда, наш пригород пострадал меньше, но сколько ребят уже погибло или пропало без вести! Письмо от однокурсницы Лены Батуриной мне не понравилось.

Осень и зиму они прожили в Иловле, поселке на Дону, куда не добралась война. Недавно вернулись всей семьей в Сталинград. Она взяла у мамы мой адрес. Работает на почтамте, говорят, что осенью возобновятся занятия в институте. Лена писала, что гордится мной, желает отважно бить врага и вернуться домой с победой. От этих слов я, не выдержав, выругался матом. «Отважно бить врага!» Так и подмывало рассказать в ответном письме, как я сидел в землянке для арестованных и каждый день слышал выстрелы. Расстреливали дезертиров, самострелов. И просто не выдержавших, давших слабинку людям! И как капитан отдал мне перед расстрелом свою шинель, желая не отважно бить врага, а просто выжить. Я ведь был штрафником и тоже каждый день ждал, когда меня поведут в овражек. Пронесло. Искупил кровью.

Лена прислала свою фотографию. За полтора года она изменилась. Исчезла подростковая угловатость. На меня смотрела довольно симпатичная девушка, а на обороте красивым почерком было написано короткое стихотворение о том, как верные подруги ждут отважных друзей. Я показал фотографию Михаилу Филипповичу и Жене Рогозину. Капитан, разминая покалеченную руку детским резиновым мячиком, сказал, что девушка приятная. Рогозин, внимательно изучив фото, деловито спросил:

- У тебя с ней было?
- Было. Конспекты списывал.
- И не щупал даже?
- Не успел.
- Худые они, городские. Если подкормить, будет за что подержаться.

Бесцеремонность Рогозина меня не оскорбила. Это в кино быют в лицо за подобные фразы. Мы оба с Женькой были фронтовики и знали многому цену. Я написал Лене ответ, пообещал отважно сражаться, передал привет от своих друзей, которым она очень понравилась. Позже мне стало стыдно за письмо, где я едва не дразнил наивную девчонку потоком пустых «комсомольских» фраз. Правда, в конце написал, что жду ответа и буду рад переписке.

Письмо меня разбредило. Ночью снились женщины. Я попробовал подкатиться к красивой медсестре Симе, девице года на три постарше меня. Сима дала потрогать себя за колено, потом с подковыркой поинтересовалась, что за девушки мне пишут. Я ответил, что сестра и однокурсница.

- Ну и хватит с тебя.
- Симочка, ведь от твоих глаз с ума можно сойти, – пытался соблазнить я избалованную вниманием медсестру.
- Однокурснице лучше напиши. Она грамотная, поймет.

Я знал, что Сима девушка не слишком строгих нравов и порой принимает кавалеров в комнате отдыха медсестер. На мое предложение почитать ей вечером Есенина она отреагировала равнодушно:

– Вам выздоравливать надо, товарищ лейтенант.

Когда я приобнял ее за талию, Симочка вздохнула и ушла, пожелав мне спокойной ночи. Женька Рогозин посоветовал не тратить зря время, так как у Симы имеется ухажер из летчиков.

Письмо Никона Бочарова, собрата-штрафника, меня растрогало. Стали друзьями, а я ведь даже фамилии этого худощавого паренька из-под Архангельска тогда не знал. Он по-прежнему обращался ко мне на «вы» и называл по имени-отчеству. Писал, что мать, вся родня и он сам по гроб благодарны мне, что я помог ему устроиться в ремонтно-техническую роту. «Хоть в людей теперь стрелять не придется», – наивно сообщал глубоко верующий в Бога десантник с моего танка. Впрочем, когда надо, в немцев он стрелял и даже попадал. Мне он желал скорого выздоровления и лучше хранить крестик со святыми мощами. Он не знал, что крестик и мощи давно исчезли вместе с окровавленной гимнастеркой, когда меня перевязывали и мыли. Кроме всей родни Никона, за меня молится и священник их сельской церкви. «Бог вас сохранит, Алексей Дмитриевич, только вы сами на рожон не лезьте. Храбрый вы человек, но и о своих родных следует подумать», – заканчивал письмо Никон.

Я написал ему ответ на три страницы. Не знаю, уж что там оставила цензура. Желал Никону тоже дожить до победы и благодарил за смелость в том рейде по немецким тылам.

Вроде и неплохое было у меня настроение, а потом вдруг напала хандра. Причиной была даже не медсестра Сима, которая мне нравилась и которая равнодушно отнеслась к моим попыткам ухаживать за ней, хотя я и переживал. Просто, ворочаясь ночами, я понял, что жизни мне отпущено не много. Войне не видно конца, и длиться она будет не месяцы, а годы. Я вспоминал случаи, когда мне крепко везло. Их было много. Однажды, когда мы стояли километрах в трех от передовой, я курил вместе с ребятами. Потом пошел мелкий дождь. Экипажи полезли в танки, а я, задумавшись, продолжал стоять. Меня окликнул механик:

– Алексей, хватит мокнуть. Пойдем, перекусим.

Я выбросил окурочек и полез в машину. Через минуту на том месте, где я стоял, взорвался снаряд. Шальной, один из тех, которые немцы запускают из гаубиц, чтобы нам жизнь медом не казалась. Я сумел выбраться живым из трех подбитых в бою танков. Половина экипажей погибла, а я уцелел. Немецкие снаряды, пробивая броню, убивали моих товарищей, но пока щадили меня. Везение не может быть вечным. От жалости к себе и непонятной обиды я даже заплакал. Почему именно моему поколению уготовлена такая участь, умирать в восемнадцать – двадцать лет?

Я погружался в оцепенение, делая вид, что сплю даже днем. На вопросы соседей по палате отвечал односложно и неохотно. Ко мне не привязывались, понимая по-своему мое состояние. Не знаю, сколько бы это продолжалось, если бы не конфликт с медсестрой Симой. Избалованная вниманием девушка, обращавшаяся с ранеными довольно бесцеремонно, уронила фразу, вроде того, что я притворяюсь.

– Чего кашу опять не ел? Думаешь, если голодать станешь, от фронта подольше отко-
сишь?

Меня словно что-то взорвало изнутри. Я смахнул с тумбочки тарелку с кашей и кружку с чаем. Вскочив, заорал:

– Вызывай, сука, врача! Я сегодня выписываюсь. При грелась в тепле, думаешь, всем за счастье на ваших вонючих матрацах отлеживаться. Я три раза в танках горел и фронтом меня не испугаешь. Пошла на х...!

Сима попыталась съязвить, но я уже шагал к двери, босой, в рубашке и кальсонах. Оттолкнул ее, добрался до ординаторской, где, захлебываясь, потребовал немедленной выписки. Что я кричал, уже не помню. На мне повисли санитары, их отталкивали Михаил Филиппович и Женька Рогозин. Врач сделал укол в плечо, меня усадили на диванчик, где я понемногу успокоился. Хотелось спать. Как сквозь туман, слышался голос Михаила Филипповича.

– Парень – герой! Три раза ранен. Два танка под бил, взвод фашистов лично угробил... разве можно таких людей...

Я заснул. Не помню, как меня дотащили до палаты. Проспал часов пятнадцать. Проснувшись, долго лежал, накрывшись с головой одеялом, хотя нестерпимо хотелось по малой нужде. Меня растолкал капитан:

– Пошли обедать, Леха. Говорят, сегодня щи с бараниной. Даже со сметаной.

Мне было стыдно за вчерашнее. Но никто ничего не вспоминал. В тот день дежурила другая медсестра, а Сима, заступившая позже, тоже делала вид, что ничего не случилось.

В один из дней по палатам ходила старшая медсестра. Переписывала выздоравливающих танкистов, отмечала на листке бумаги, кто какую должность занимал. Потом нас вызвали в строевую часть. С каждым поговорил врач.

Нашего брата – танкистов набралось довольно много. Тех, кто пришел в себя, выздоравливал – человек двадцать. Только что поступивших, а также тяжелораненых, обгорелых в расчет пока не брали. А вообще моим коллегам раны доставались, как правило, тяжелые. Палаты для обожженных на три четверти были забиты танкистами. На них было страшно смотреть, лежавших в каркасах из проволоки, с обгорелыми руками и ногами, к которым невозможно было прикоснуться. Из этих палат каждый день выносили умерших. В то время процентов сорок обгоревшей кожи означали заражение и смерть. Антибиотиков не было.

В общем, познакомились друг с другом, пока в строевой части своей очереди ждали. Стали чаще встречаться. Подобралась целая компания хороших, близких мне по духу ребят. Собирались каждый день, рассказывали свои истории. В тот период вспомнилось, что я все же будущий литератор, может, журналист. Любые записи на фронте вести категорически запрещалось. Но я схитрил. В записной книжке были от руки переписаны любимые стихотворения Сергея Есенина, Константина Симонова («Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»), а также слова новых песен и всякие мужественные высказывания вроде: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

Сокращенно или в виде стихов я стал записывать то, что слышал. А судьба у братков-танкистов складывалась так, что не позавидуешь. У большинства – по одной схеме. Бой, госпиталь (реже санбат), запасной полк, иногда командировка на завод за новым танком, и снова передовая. После обработки записей, тщательно восстанавливая выцветшие страницы, я уже в девятидесятых годах заново переписал истории, услышанные в госпитале Воронежского городка Анна и после, в других местах.

...Костя из Таганрога, командир танка. Десять классов и восемь месяцев училища. Подбили в первом бою. Попал в немецкую пушку, решил ее добить. Экипаж неопытный. С одного места сделали три выстрела. В лобовую броню Т-34 попал снаряд (скорее всего, 75-миллиметровый). Уцелели Костя и механик-водитель. Второй раз его подбили через месяц из засады. Ни выстрела, ни удара Костя не помнил. Сумел отползти шагов на тридцать и смотрел, как горит танк со всем экипажем. Никто больше не сумел выбраться. После боя из семи танков в роте остался один.

...Старший лейтенант, командир взвода из Тамбова.

Окончил училище в тридцать восьмом. За пару месяцев до войны был назначен инструктором в Челябинское училище. Преподавал до осени сорок второго. Попал под Сталинград. Бой был такой сильный, что заряжающий ронял из рук и подавал не те снаряды. Выпихнул заряжающего и поставил его на место стрелка-радиста. Подбили немецкий Т-4 с усиленной броней. Истратили восемь снарядов и сами получили два попадания. Отремонтировались, и под городом Калач ворвались взводом в хутор Голубинский. Раздавили двенадцать повозок. Потом атаковали батарею противотанковых пушек. Один танк сгорел от бронезажигающего (кумулятивного) снаряда вместе с экипажем. Командир танка, страшно обожженный, ослепший, три раза тянулся наганом к виску. Донес только до живота и выстрелил. Через несколько

минут умер. Видел в хуторе Вертячем лагерь наших военнопленных. Пятьсот, а может, тысяча трупов. Засыпанные снегом скелеты в одних гимнастерках. Все умерли от истощения и холода. Живых – человек семьдесят, отличить от мертвых могли только медики. Сказали, что выживет в лучшем случае один человек из трех.

...Сержант Сергей, механик-водитель из села под Свердловском. Работал трактористом. Белокурый, красивый парень. Два старших брата и дядька пропали без вести в сорок первом. Мать писала, что в село пришло тридцать похоронок. Цензура цифры вычеркнула, но Сергей разглядел их на свет. Рассказывал, как пропахали танковой ротой с километр немецких траншей. Подавили много фрицев, артиллерийскую и минометную батарею. Артиллеристы разворачивали свои пушки, даже когда до танков оставалось полста шагов. Потом побежали. Воюют немцы обдуманно, без приказа не отступают. Наша пехота несла огромные потери. Танк Сергея взорвался на фугасе. Выбрались трое. У всех лопнули барабанные перепонки, один позже умер в медсанбате – были отбиты внутренности. Командира роты наградили орденом Красного Знамени, потому что в этом месте прорвали немецкую оборону.

...Николай, татарин из Чистополя. Башнер на БТ-5, потом заряжающий на Т-34. Экипаж «тридцатьчетверки» подбил два бронетранспортера, штурмовое орудие и раздавил три шестиствольных миномета. Толстые минометные трубы лопались под гусеницами со звуком «крак!». Минометчики частью убежали, некоторые подняли руки. Расстреляли в горячке всех подряд. Участвовал в трагическом Харьковском сражении в мае сорок второго. Когда кончилось горючее, танк сожгли. Пробирались вшестером из окружения. Однажды днем спрятались в фюзеляже подбитого бомбардировщика СБ. Лесов вокруг не было. Подъехали двое немцев на мотоцикле. Прострочили фюзеляж из пулемета. Потом полезли смотреть. Старший политрук застрелил немца из нагана, ткнув ствол в грудь. Второй не сразу сообразил, в чем дело, потому что звук был глухой. Николай заколол его штыком от трехлинейки, обернув насадку штыка тряпкой. Потом час, не останавливаясь, бежали через пшеничное поле. Двое в пути отстали, наверное, дезертировали. Вышли к своим вчетвером. Уже через неделю Николая посадили заряжающим на Т-34. В первом бою раздавили взводом противотанковую батарею и сожгли несколько грузовиков. Николаю обещали медаль «За отвагу», но во втором бою танк подбили и про медаль, наверное, забыли.

Я успокоился. Большое дело – коллектив. И Михаил Филиппович, хоть и не танкист, но с нами часто собирался. Наладились отношения с Симой. Я пришел однажды в ее комнатку и сразу обнял. По глазам понял, что возражать не будет. Целовались так, что у меня опухли губы. Пытался раздеть, оборвал застёжки на лифчике, и все было бы нормально, но стало плохо кому-то из раненых. Симу срочно вызвали. И в другой раз так получилось, что, кроме поцелуев и тисканья, ничего не вышло. Не было удобного места в переполненном зимнем госпитале. Сима обещала что-нибудь придумать, а у меня настроение стало совсем хорошим. Я уже не думал о неизбежной смерти.

В блокноте появились новые записи. Я вспоминал, как и почему подбивали меня. Первый БТ-7, на котором я прикрывал группу, выходящую из окружения, подбили из-за того, что я остановился подобрать упавшего с брони раненого. Сгоряча тормознул. Надо было дальше проскочить, найти хоть какое-то укрытие. Хоть и подло раненых бросать, но я из-за одного человека целой группой рисковал, и танк накрылся.

Вторую «бэтэшку» из засады в наступлении сожгли. Я так и не увидел орудия, которое стреляло в нас. Погиб заряжающий, а механик и я были ранены. Засада хорошо замаскированная, но я слишком шустро рвался вперед после разгрома немецкой колонны. Надо было лучше вертеть головой. Свою вину в гибели второго БТ-7 я определил в пятьдесят процентов.

Третий танк, Т-34, подбили тоже из хорошо замаскированной засады. Я мог ее предвидеть, хотя бы потому, что мы промчались, не заметив пулеметы, находившиеся у дороги. Да и пушек было несколько. Тогда погибли два человека из экипажа, а мы, двое раненых, я и

стрелок-радист, добрались до медсанбата. Я поставил семьдесят процентов на долю своей вины. Возможно, это напоминало игру-считалку, но я хотел, пока есть время, спокойно проанализировать, почему гибнет столько наших танков. Я сам знал об этих причинах, но хотел, чтобы их подтвердили опытные танкисты, особенно командиры.

Командир танковой роты, один из списка выздоравливающих, вначале не очень шел со мной на контакт. Потом разговорился. Ответил просто и довольно подробно:

– Сорок первый не беру. А насчет сорок второго – наши самые главные беды: бардак при отступлении и лобовые контратаки. Комбаты и командиры бригад своего начальства больше чем немцев боятся. Я раз восемь в лобовые ходил.

– Но ведь выжил?

– Потому что крутился, как волчок, и никогда борт под снаряды не подставлял. Но два раза горел. У немцев оптика сильная, нельзя про нее забывать. Молодняк за полтора километра люк откроет, так, мол, виднее. А тяжелые зенитки у фрицев на этом расстоянии сто миллиметров брони свободно прошивают.

Повторил он и фразы Михаила Филипповича, командира стрелковой роты, о том, что маневр наших машин очень скованный. Дали коридор триста или пятьсот метров – и дуй по нему, в сторону не отклоняясь.

– Куда-то свернул, уже трусостью считается, – рассуждал капитан с одиноким орденом Красной Звезды на больничном халате. Перехватив мой взгляд, усмехнулся: – Не думай, что хвастаюсь. Просто хранить орден негде. Ты, парень, толковый. И жизнь свою цени. Если бы я все время только бы в лоб шел, давно бы сгорел. Один раз со взводом в обход пошел, так в мою сторону из пулеметов трассерами свои же палили. Мол, трусил, из боя выхожу. А я полукруг пару километров сделал и с фланга четыре пушки с обслугой расстрелял да еще грузовиков штук пять разбил.

– За батарею и грузовики орден получил? – спросил я.

– Нет. Позже, перед госпиталем. За компанию с комбатом дали. Командиру полка – Красное Знамя, а мне Красную Звезду. И еще. Чуть самое главное не забыл. Тебя, наверное, взводным поставят. Так вот. Выбирай хорошего, спокойного механика-водителя. Найдешь такого – считай, наполовину жизнь себе и своим подчиненным продлишь.

Я невольно вспомнил механика-водителя Прокофия Шпеня. Сколько раз этот рассудительный и умелый механик нас спасал и много чему научил. Он выжил в тяжелых боях и погиб, выходя из окружения, в сотне метров от наших траншей. Перетрусивший пулеметчик, не разобравшись, обстрелял группу, и Прокофию Петровичу досталась своя же, русская пуля в грудь. Как мы тогда удержались, не прибили того стрелка! Начистили морду, а человека не вернешь. Другие механики послабее были. Не хватало опыта.

Петр Илларионович Жуков, механик-водитель «тридцатьчетверки», тоже был неплохим специалистом. Но после того, как получил известие о гибели сына, словно с катушек съехал. Стал выпивать и погиб в той январской засаде вместе с заряжающим. Спаслись только мы со стрелком-радистом Сашей Черным, оба раненные. Но я экипажи не выбирал. Воевал с теми, кого дают. Правда, выгнал механика Грошева, когда вернулся из штрафной роты. Трусоватый, надломленный был человек. Про таких говорят, «из дерьма пулю не слепишь».

Однажды моими записями заинтересовался замполит. Снисходительно пробежал строчки Есенина, одобрил Константина Симонова, который, по слухам, был любимцем Сталина. Глянул и мои стихи. Слава богу, не дошел до записей бесед с танкистами. Хотя и любил с офицерами «по душам» поговорить, улыбался, но я ему не верил. Со временем понял его натуру. Держался за теплое место руками и ногами. Обязательно бы меня заложил и шум поднял. Чтобы показать свою принципиальность и нужность. Замполит в Новониколаевском госпитале, где я год назад лежал, из фронтовиков был, с покалеченной рукой службу нес, а этот считал, что большое дело делает, каждый день политинформации с помощниками читает.

Продолжая откровенные разговоры с ребятами-танкистами, нередко слышал я слово «судьба». Кому как повезет. Один из лейтенантов рассказывал, как сидели у танка, километрах в трех от передовой. Шестидюймовый фугас ударил в борт.

– Сплющился, лопнул, в броне трещина с палец, нас комками взрывчатки забросало, а снаряд не взорвался. Взрыватель, наверное, был неисправный. Удача или нет? У фрицев неисправные снаряды редко попадают.

Очень много танков с экипажами гибли при отступлении и в котлах сорок второго года. Здесь ребята не стеснялись, костерили начальство, которое порой оставляло на произвол судьбы целые полки и дивизии. Я не обвиняю в трусости наших командиров высокого ранга. Приведу только высказывание немецкого генерала бронетанковых войск Фридриха Мелентина из его книги «Бронированный кулак вермахта», которую я прочитал сразу после выхода в 1999 году. С чем-то я был не согласен, хотя генерал подхваливал нас – победителей, но старательно втолковывал, какие грамотные операции проводил вермахт.

«Тактика русских, – писал немецкий генерал, – представляла собой странную смесь: наряду с великолепным мастерством существовала ставшая почти нарицательной негибкость русских атак. Безрассудное повторение атак на одном и том же участке, неумение своевременно реагировать на изменения в обстановке. Только немногие командиры среднего звена проявляли самостоятельность в решениях...»

Меня неприятно задело такое высказывание немецкого генерала о методах нашего отступления. Он писал: «Как принято у русских, из окружения были выведены прежде всего штабы, офицерский состав и некоторые специальные подразделения, а основная масса солдат была оставлена на произвол судьбы. Во всем районе не было захвачено ни одного штаба, а среди убитых не оказалось ни одного старшего офицера. Таким образом, русские сохраняли кадры для новых соединений».

То, что во время отступлений творился жуткий бардак, я в этом убеждался не раз, но фраза насчет эвакуации офицерского состава является явной брехней. Не буду говорить о высоких чинах, но капитаны, майоры сражались и гибли вместе с нами. И хоронили всех (если успевали) в одной братской могиле. Сколько их разбросано по степным приволжским холмам, где под одним обелиском лежат и рядовые, и офицеры. Мои рассуждения могут вызвать неоднозначную реакцию у читателей, особенно старшего поколения. Но почти полтора года войны изменили многое во мне. Огромные потери и отступления порождали у многих бойцов неверие в командование и злость.

В июле сорок первого, когда ехал поступать в танковое училище, я был всего лишь восторженным мальчишкой, закончившим два курса института. Я очень хотел стать героем-танкистом, отмахнувшись от предложения учиться на политработника, где шансов выжить гораздо больше, чем в металлической коробке танка. Сейчас я насмотрелся смертей и хотел дожить до победы. Замполит госпиталя говорил много слов о долге, мужестве, верности партии. Но никогда не звучало в его речах пожелание каждому из нас выжить. Вернуться к матерям, отцам, детям. У капитана Мякотина – три дочери, три ранения и впереди снова окопы. Войне даже не видно конца, вряд ли половина из нас доживет до победы. Я старался об этом не думать. Замполит никогда не спрашивал, как я выпрыгивал, выползал из подбитых танков. Машины горели за моей спиной, ручейки талого снега, пополам с горящим бензином, догоняли меня, и порой не было сил отползти без посторонней помощи.

Все, хватит рассуждений! Я готовился к выписке, а на фронтах происходило следующее.

Продолжалось наступление наших войск. О его масштабах можно было судить по датам взятия крупных городов: с 12 по 15 февраля сорок третьего года были освобождены Шахты, Новочеркасск, Ворошиловград, Харьков. Линия фронта быстро отодвигалась на запад. Без пре-

увеличения можно было сказать, что февраль проходил под знаком мощных ударов Красной Армии. Но, к сожалению, во второй половине месяца многое стало меняться. О большинстве событий благодаря невнятным сообщениям Информбюро мы узнавали с запозданием. Кое-что нам рассказывали раненые, которых сумели доставить в госпиталь непосредственно после боев.

ГЛАВА 2

22 февраля немецкие войска начали контрнаступление. Наши передовые части, оторвавшиеся от баз снабжения, понесшие большие потери в предыдущих боях, отступали. В начале марта шли ожесточенные бои на подступах к Харькову, который немецкое командование всеми силами старалось отбить. Именно в этот период в госпитале шла срочная выписка выздоравливающих. Я вместе с группой танкистов был выписан 24 февраля, на следующий день после Дня Советской армии. Глубокая рана под мышкой еще полностью не зажила, зато затянулись обе пулевые дырки под ключицей и лопаткой.

– Месяц в запасном полку покантуешься, – сказал хирург, – пока распределят, будешь как огурчик.

Помню, что в ночь перед выпиской я разыскал Симочку. Разговор получился коротким и обидным.

– Леша, не надо ничего затевать. Ты уходишь на фронт. У меня есть друг, я не хочу его обманывать.

– Когда он появился? – недоверчиво спросил я, хотя недостатков в кавалерах у красивой медсестры не было.

– Не все ли равно? Иди к ребятам. Тебя там ждут.

Она поцеловала меня в щеку и выскользнула из рук.

Мы крепко выпили, получили утром поношенное снаряжение без погон (их тогда не хватало), а через три дня в штабе 40-й армии Воронежского фронта нас распределяли по корпусам, танковым бригадам и полкам. Все повторялось. Вместе с Женей Рогозиным мы были направлены во вновь сформированную танковую бригаду.

Впрочем, бригадой это подразделение назвать было трудно. Даже по штатам сорок первого – сорок второго годов она должна была иметь 90 танков, 300 автомашин и три тысячи человек личного состава. В наличии имелось не более половины командиров, технических специалистов и бойцов. Не хватало автомашин, зениток, а танков насчитывалось не более шестидесяти. В том числе два десятка легких Т-70 со слабой броней и 45-миллиметровой пушкой. Правда, позже подбросили еще танков и машин, пришло пополнение.

Женю Рогозина назначили командиром танкового взвода, я остался командиром танка. Такая несправедливость неприятно задела. Я давно окончил училище, имел боевой опыт, а со мной обошлись, как с зеленым новичком. Как я понял, не забылось мое штрафное прошлое и, отчасти, статус «окруженца». Замполит батальона, спокойный капитан с орденом, уделил мне целых полчаса. Расспрашивал, как я попал в августе сорок второго года в штрафники.

– Значит, бросил боевую машину?

– Бросил, – подтвердил я. – Правда, будучи контуженным, а танк был с оторванной гусеницей, и башня не поворачивалась.

– Но орудие действовало?

– Так точно. Действовало.

– И снаряды имелись?

– Так точно. Но я их половину расстрелял, пока подбитый стоял.

– Ну вот. Ты свою вину кровью искупил, однако по воюешь пока на прежней должности. Посмотрим на тебя.

Мне достался танк нового образца, с граненой башней, утолщенной броней и двумя верхними люками. Отдельный люк для командира, вместе с командирской башенкой, и отдельный – для заряжающего. С прежним тяжеленным люком на полбашни, который и здоровый человек с усилием открывал, мы натерпелись неудобств. И раненые сторали, не в силах открыть неподъ-

емный да еще заклинившийся от удара люк. И при срочной эвакуации, когда загорался танк, в верхний люк лезли сразу двое – командир танка и заряжающий, а иногда и стрелок-радист.

Танк недавно сошел с конвейера Челябинского завода и сразу мне понравился. Сопровождал его механик-водитель Николай Ламков, старший сержант, мой ровесник. Участвовал в летних боях на Северском Донце, горел, лечился в госпитале и вот уже месяца два занимался перегонном танков.

– Кончилась лафа, – грустно сказал он. – Отдохнул, повеселился, теперь снова воевать.

Мне Николай пришелся по душе. Машину содержал в порядке, разговаривал просто, без всяких закидонов, которые нередко бросает экипаж своему командиру. Заряжающим был рядовой Леонид Кибалка, восемнадцатилетний парень из-под Куйбышева, недавно окончивший трехмесячные курсы. Леня был тщедушный на вид, худой, но с крепкими узловатыми плечами. Окончил он пять классов, работал лет с четырнадцати в колхозе и ни разу до войны не бывал дальше райцентра.

Стрелок-радист, Гаврин Борис, учился в техникуме, но был направлен на курсы радистов после первого курса. В боях он тоже не участвовал. Впрочем, роль стрелка-радиста весной сорок третьего была непонятной. Рация на нашем танке отсутствовала. Обязанности радиста сводились к стрельбе из курсового пулемета, крайне неудобного для точной стрельбы из-за небольшой амбразуры, из которой на ходу, при качке, трудно было целиться.

Как поведут себя мои подчиненные в бою, я пока не знал. Успокаивало то, что имеет опыт механик-водитель, ну а заряжающий... я поговорил с ним и убедился, что Леонид Кибалка неплохо разбирается в снарядах, быстро переставляет взрыватель на фугасное или осколочное действие и умеет наводить орудие. Но особенно мне понравилось его острое зрение. Он различал любые мелкие предметы на большом расстоянии.

– Леня, если жить хочешь, верти головой на сто во семьдесят градусов, – наставлял я его. – А когда бой на чался, ни о чем не думай, только правильный снаряд по давай.

Я почему-то сразу понял, что Борис Гаврин побаивается танка. Броня давит без привычки на любого новичка, особенно если ты сидишь впереди, и, кажется, все снаряды полетят именно в лобовую броню, то есть в тебя. Я провел небольшую беседу о достоинствах Т-34. Признался, что в сорок первом мы на своих легких «бэтэшках» и Т-26 хвостом тащились за «тридцатьчетверками», надеясь на их мощную броню.

Наш экипаж числился во втором взводе первой роты первого батальона. В суматохе первых дней я толком комбата и не видел. Взводным был лейтенант Удалов, как я понял, воевавший недавно, но уже награжденный орденом Красной Звезды. Со мной и командиром второго танка он познакомился, в общем, доброжелательно, расспросил, кто, где воевал. Но сразу дал понять, что за бутылкой знакомиться не собирается, хочет глянуть на нас в деле. По крайней мере, на марше. Вслух это сказано не было, но я почувствовал в разговоре.

– Танки привести в полный порядок. Проверить знание своих обязанностей каждого члена экипажа, моральное состояние. Пока есть возможность, устранить все мелкие неполадки. Прогнать двигатели на холостом ходу, проверить трубки и соединения. Если на марше через час полетит трак или потечет масло, пеняйте на себя. Сегодня и завтра вполне достаточно, чтобы довести технику до ума. А у вас, Волков, вообще новая машина. Должна летать, как ласточка. Опыта у вас тоже хватает, так что скидок не ждите.

– Благодарю за доверие, товарищ лейтенант, – поднялся я, едва не касаясь головой низкого потолка землянки.

Ответ прозвучал двусмысленно. Удалов пожевал губами, наверное, у него была такая привычка, и продолжил инструктаж, оставив мою благодарность без всякой реакции. Когда выходили из землянки, остановились перекурить с младшим лейтенантом, командиром второго экипажа. Ему было лет двадцать пять. Курчавый, смуглый, он напоминал то ли грека, то ли хохла.

– Анастас Георгиевич Скариди, – представился младший лейтенант, когда закурили «Беломор», купленный в военторге. – Строгий у нас командир, все по уставу. Сколько немецких танков на счету?

– Два, – коротко ответил я.

– Молодец. Ты бы еще к этой паре двух медсестер в госпитале прибавил. Совсем орел был бы. Веселый ты парень. Вот только не знаю, навалеешь в штаны в первом бою или нет.

Я повернулся, чтобы уйти, но кучерявый лейтенант с греческой фамилией перехватил меня за плечо:

– Не обижайся, Леша. Я ж к тебе со всем уважением. С сорок первого воюешь, три ранения. А я в одном бою побывал, да и то танк подбили, месяц в запасном полку кантовался. Вечерком приходи, у меня механик шустрый, где-то фляжку спирта раздобыл. Картошка жареная будет.

Предложение я принял. Но мой экипаж оказался не менее ушлым. Тоже добыли спирта. Как я подозреваю, из той же бочки. Загадочно шушукаясь, позвали меня к накрытому столу. То бишь в окоп под танком, где висела походная печка, а на ящике из-под гранат лежала фляжка, дымились котелки с кашей и подогретая тушенка. Пришлось выпить вначале со своим экипажем. Потом прибежал раз и другой посыльный от лейтенанта Скариди. Пришлось идти на второй банкет.

Анастас оказался родом из Мариуполя, отец – грек, мать – хохлушка. Город с сентября сорок первого находился в оккупации, и Анастас не имел сведений о семье почти полтора года. Оказывается, он окончил химико-технологический техникум, работал в Богучаре на военном предприятии, имел броню, но летом сорок второго был направлен в Челябинское танковое училище, где во время учебы женился и уже ждал ребенка.

– Надрало меня в танкисты полезть, – сокрушался Анастас. – А ведь предлагали в училище химзащиты. Проверял бы противогазы да со связистками романы крутил. Героем хотел стать. Греки – великие воины. А когда увидел, как люди живыми в танках горят, понял, что не обязательно всем героями быть.

– Ехал грека через реку, видит грека – в реке рак, – продекламировал старший из экипажа, механик-водитель. – В общем, целый день искали, где у рака задница.

– Смеяться? – спросил младший лейтенант.

– Ну не плакать же. Теперь за гостя выпьем.

Выпив, Скариди рассказал, что у него на глазах, как костер, вспыхнул танк, и командир сгорел, придавленный люком.

– А экипаж?

– Тоже сгорел.

– Так и говори, – поучал механик-водитель в замасленном донельзя комбинезоне и полушубке. – Весь экипаж геройски погиб. Нечего командиров отделять. Мы все в одной коробке. Так, Алексей Дмитрич?

Я подтвердил и в свою очередь рассказал, что мне тоже предлагали идти в политическое училище, но я выбрал танковое.

– Кругом герои! – ржал, хлопая себя по колену, рыжий, широченный в плечах механик. – Ну, мы под Сталинградом дали фрицам просратья!

За Сталинград выпили еще. Потом пришел командир взвода Удалов. Отозвав меня и Анастаса в сторону, сказал, что пить сейчас не время. Тем более со своими подчиненными.

– Я связисток звал, – доложил грек, – а они не идут. Бояться задницы застудить, ведь у нас землянки нет. Да и звездочек маловато.

– Не дурите, Скариди, – поморщился Удалов, – и прекращайте пьянку. Завтра лично с утра машины проверю.

Спирт мы все же допили, а весь следующий день готовились к маршу. Залили горячее в запасные баки. Вместо положенных по штату 77 снарядов было приказано взять по сто двадцать, из них шестьдесят бронебойных. Старшина выдал мне новенький, черный, как грач, пистолет «ТТ». Для экипажа выделили автомат «ППШ» и гранаты-лимонки. Получили сухой паек.

К тому времени мы знали, что немцы уже ведут наступление, прорвали фронт, вышли к Северскому Донцу, овладели крупной станцией Лозовая, и несколько наших дивизий дерутся в окружении. Без труда можно было понять, что острое удара направлено на Харьков. В первых числах марта передовые части нашей бригады совершили марш, обходя Харьков с северо-запада, где нам предстояло в оборонительных боях схватиться с армейским корпусом «Раус». Хорошо запомнился первый весенний день, ясный, безоблачный. Как-то обошлось без серьезных авиационных налетов.

2 марта погода резко изменилась, стало пасмурно, задул северный ветер, а к ночи началась пурга. Двигаться было невозможно. Ночь и последующий день мы провели в лесистой балке, где сосредоточились танковые батальоны нашей бригады, механизированный полк, батареи 122-миллиметровых гаубиц и противотанковых пушек. Стоял туман. Типичная для юга погода ранней весны, когда ночью подмораживает до десяти-пятнадцати градусов, а днем снег на солнце становится влажным, хотя ветер совсем не теплый. Впрочем, солнце показывалось редко, исчезая в облаках и тумане. Голые тополя и клены служили плохим укрытием от авиации, и мы молились, чтобы туман продержался подольше.

Вдалеке шел бой. От взрывов тяжелой артиллерии вздрагивала земля. К полудню пашня раскисла. Я подумал, если «юнкеры» нанесут удар, то нам некуда будет деваться. Танки еще прорвутся, а грузовики застрянут намертво. Да и лошади вряд ли потянут по липкому черно-зему гаубицы и 76-миллиметровые пушки Ф-22 весом три тонны. Туман развеялся ближе к вечеру. Сразу налетели «юнкеры-87» в сопровождении «мессершмиттов». Успели частично отбомбиться, но появилась эскадрилья «Яков», завязалась свалка, и «юнкеры» убрались, побросав бомбы куда попало. Однако налеты повторялись до темноты. Подбитый «юнкерс» сел на пашню. Даже не загорелся, увязнув в грязи. Его размолотили из «сорокапятки» вместе с экипажем. Горели и падали наши истребители. Вошел в штопор и с огромной скоростью, крутясь, как волчок, врезался в землю «мессершмитт». От немца осталась лишь воронка.

К вечеру подсчитали потери. От близкого взрыва бомбы скатился по склону Т-70, два человека из экипажа погибли. Две «тридцатьчетверки» получили повреждения. Их лихорадочно чинили. Разбило несколько пушек, и, как всегда, ощутимые потери понесла пехота. Немцы сбрасывали контейнеры с мелкими осколочными бомбами. Они взрывались в воздухе, и защититься от них было тяжело. Расширив крупную воронку, хоронили погибших. Раненых было решено вывезти ночью, когда подмерзнет земля, а на шесть утра назначили наступление.

Помню, был зачитан приказ командующего Воронежским фронтом Рыбалко Ф. И. о недопустимости сдачи Харькова немцам. Мы сами понимали, что драться будем до конца. Вопрос шел о престиже Красной Армии. Харьков, считай, вторая столица Украины, был освобожден после четырех месяцев оккупации 16 февраля сорок третьего года, и вот менее чем через месяц фрицы смыкают кольцо вокруг города. Кстати, в февральских боях участвовал сын Василия Ивановича Чапаева, командир полка 16-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады. Он получил тяжелое ранение и был эвакуирован. Здесь же, возле поселка Соколово, принял свой первый бой недавно сформированный чехословацкий батальон «Свобода», который стал костяком будущей освободительной Чехословацкой армии.

Мы двигались к станции Люботин, в двадцати километрах западнее Харькова. Окрестности были напичканы немецкими войсками.

Фрицы вели упорное наступление. Мне трудно было ориентироваться на местности. Да и много ли может знать командир танка? Думаю, что первый бой, не считая мелких стычек, мы приняли под одним из хуторов северо-западнее станции Люботин. Наш первый батальон поддерживал действия пехоты. Атаковали в холодный ветреный день часов в восемь утра, наскоро проведя разведку. От хутора остались торчавшие трубы печей, кучи развалин да обгорелая глина. Дома здесь строили в основном из глины, реже из кирпича.

Укрепиться немцы еще не успели, но траншей и окопов, вырытых зимой и в последние дни, хватало. Хорошими укрытиями для фрицев служили несколько подбитых танков. Артподготовка перед атакой была слабенькая, так как мы оторвались от тыловых частей, и артиллерия испытывала острую нехватку снарядов. Танки участия в обстреле пока не принимали. Как всегда, пехоту подняли, едва взорвался последний снаряд. Красная ракета и свистки командиров: «Вперед!» Основная масса наступала по открытому полю, и уже на расстоянии метров семисот бойцы залегли. Слишком сильный был минометный и пулеметный огонь.

Не знаю, почему нас не использовали в первой атаке, возможно, берегли танки. Старший лейтенант Антон Таранец, командир роты, обежал все девять танков и показал направление. Наш второй взвод должен был атаковать с левого фланга. Возле моей машины он на минуту остановился:

– Волков? Жаль, не успели познакомиться поближе. Ты мужик опытный, на тебя надеюсь.

– У вас командир взвода с орденом есть, – огрызнулся я, взвинченный долгим, с рассвета, ожиданием. – Воспитывайте его, а мы свое дело сделаем.

– Обиделся, что ли? – сплюнул Таранец. – Ну и хрен с тобой. Попробуй, струсь. Пристрелю.

– Стреляли уже, – дергал меня за язык нечистый, – да не добили. Теперь у тебя руки чешутся?

– Зря ты так с ним, – упрекнул меня механик Коля Ламков. – Обозлится, будет в каждую дырку совать. Ты не только о себе, но и об экипаже думай.

Остальные молча поддержали Николая, а я принялся изучать будущий путь к поселку. Примерно тысяча двести метров. Немецкие «семидесятипятки» сумеют взять нас в лоб, учитывая толстую пушечную подушку и наклон брони, метров с восьмисот. Значит, полкилометра у нас есть. Слева тянется редкая полоса вязов и смородиновые кусты. Я повторил еще раз свои наставления.

– Николай, по сигналу гони на полной скорости. Обязательно делай зигзаги. Если у них имеются зенитки, фрицы нас на старте могут расшибить. Идем между тополями.

Конечно, мы отклонялись слишком влево, да и там, где деревья с кустами, сильно не разгонишься. Налетишь на пень – гусеница к черту.

– Огонь открываем с восьмисот метров осколочными, – повернулся я к Лене Кибалке. – Стреляные гильзы сразу выбрасывай. Иначе от гари задохнемся.

Закурили, помолчали, и, как всегда, неожиданно снова взвились красные ракеты. Это уже сигнал для нас. Все! Пошли. Мы неслись следом за танком взводного. Немцы пока молчали. Справа по полю шли остальные пять «тридцатьчетверок» и два Т-70. Взводный открыл огонь, и сразу пальнули мы. Леня с матюками легко выбросил в люк воняющую тухлыми яйцами гильзу. Миновали залегшую пехоту. Бойцы махали нам руками и понемногу поднимались. Я заметил, что один из стрелковых взводов, опередив остальных, медленно наступает вдоль деревьев.

И сразу открыли огонь гаубицы и станковые пулеметы. Немецкие «стопятки» били беспорядочно, но тяжелые снаряды внесли сумятицу в несущийся строй танков. Осколки и пули высекали искры из брони, свалился один, второй десантник. Остальные стали прыгать без команды. Потом захлопали противотанковые пушки. Мы стреляли торопливо, не останавливаясь. Когда свернули под защиту деревьев, увидели, что там, уже уменьшая ход, прячется

танк Скариди. Лесополоса оказалась сильно захлавленной упавшими деревьями, валежником. Путь преграждали обледеневшие промоины.

Танк Скариди вдруг вспыхнул. Мы не имели права останавливаться, но я приказал замедлить скорость. Из машины Анастаса Скариди выпрыгивал экипаж. Впрочем, «тридцатьчетверка», кажется, не пострадала. Снарядом сорвало один запасной бак, а второй разбрызгивал струйки горячей солянки. Не смертельно, потушат! На пашне дымила еще одна «тридцатьчетверка», а огонь вели не меньше двух противотанковых батарей.

Удар пришелся по командирской башенке. Мне на спину посыпались ошметки краски, мелкие кусочки брони. Еще один снаряд вырвал из тополя кусок щепы. Я видел вспышки этого орудия. Еще лучше различал его своими кошачьими глазами заряжающий Ленья Кибалка.

– Командир, всего пятьсот шагов. Левее той хаты.

«Та хата» представляла из себя россыпь кирпича. Я надавил ступнями на плечи Ламкова. Танк плавно остановился. Выстрел.

– Осколочный!

– Щас...

Мы сделали три выстрела подряд, и этот десяток секунд нас едва не погубил. Пушку мы подавили, но заработали снаряд рикошетом в башню. Ламков рванул танк с места, делая крюк.

– Опасные штучки...

На поле уже горели два танка, а третий крутился на порванной гусенице. Я снова стрелял на ходу, а когда повернул голову, увидел, что и этот танк дымит. Остальные машины круто уходили вправо, под бугор. Нельзя подставлять борт! Эту истину надо прочувствовать на себе. Еще одна «тридцатьчетверка» дернулась, пошла рывками. Мы вместе с машиной командира взвода нырнули в гущу тополей. Остановились борт в борт:

– Ты как, Алексей? – Нормально. А ты, Гриша?

Ну, вот мы уже почти друзья. Леха, Гриша... Атака, кажется, сорвалась. До хуторка осталось, пожалуй, всего триста метров.

– Леха, пошли кого-нибудь глянуть, что с греком случилось.

Послал Борю Гаврина, который, как пробка, выскочил из танка. Едва успели бросить сверху автомат.

– Куда без оружия? Тут фрицы могут быть.

Двумя экипажами разглядывали, как разгорается третья машина. Из глубины хутора ее прицельно добивала противотанковая пушка. Двое оставшихся в живых ребят уползли прочь от горящей машины. Пулеметные очереди срывали верхушки борозд на вспаханной земле. Потом в нашу сторону ударили гаубицы, и мы отъехали в сторону, найдя небольшую низину, скрытую тополями.

– Слышь, Григорий, – посоветовал я. – Пошли своего стрелка с автоматом метров на сто вперед. А я заряжающего дам.

По крайней мере, врасплох не застанут. Автомата для Лени Кибалки не было. Кроме нагана, он захватил сумку с «лимонками».

– Смотри внимательнее, Ленья.

– Не волнуйся, командир. Я, как кошка, все вижу. Не пропущу.

Через пяток минут вернулся Боря Гаврин. За ним рывками, малой скоростью выполз танк Скариди. Из открытых люков шел дым. Возле курсовой пулеметной установки темнела оплавленная дырка миллиметров тридцати в диаметре. Вытащили тело стрелка-радиста. Стрела подкалиберного снаряда насквозь пробила бедро и разорвала паховую артерию. Он был весь залит кровью. Скариди, его конопатый механик-водитель и наводчик были тоже сплошь в крови.

Механик снова полез в люк и стал выбрасывать тлеющие тряпки. Потом заливали их водой. Несколько флагов передали механику, он что-то заливал внутри. Вылез весь в копоти, держа в руке заостренную железку кумулятивного снаряда в фиолетовых разводах от сильного

жара. Экипажу, можно сказать, повезло. Снаряд пробил броню, тело стрелка-радиста вместе с сиденьем, врезался в кучу старых шинелей, курток и прочего барахла. Теряя силу, снаряд разодрал, зажег тряпье и боком ударил в броневой лист, отделяющий боевое отделение от двигателя. Если бы снаряд шел острием вперед, то прошил бы лист и зажег двигатель.

Скариди трясло. На тело стрелка-радиста с вывернутой, почти напрочь оторванной ногой и страшной обожженной дырой в бедре было жутко смотреть. Парень лежал, разбросав руки, нижняя челюсть отвисла. Вместе с механиком мы сложили руки на груди, подвязали челюсть и завернули тело в плащ-палатку. Удалов, переговорив с кем-то по рации, подозвал Скариди и меня:

– Немцы атакуют. Приказано быть наготове и открывать огонь с фланга. Все по местам. Скариди, ты что, контужен?

– Н-нет.

– Живее в машину. Собирайте экипажи, заряжать бронебойными.

Прибежал дозор. Леня сообщил, что немецкие танки идут из-за хутора. Штук семь, а может, больше. Их оказалось действительно больше. И повторять нашу ошибку – двигаться по открытому полю – они не торопились. Шли, прижимаясь к лесополосе. Впереди двигался громадный, незнакомый мне танк с длинноствольной пушкой. Я понял, что это знаменитый «тигр». Он напоминал глыбу, размером с наш тяжелый КВ-1, которых в войсках почти не осталось. Угловатая броня шла уступами, без наклонов. Судя по всему, она была настолько толстой и прочной, что не требовала скатов и закруглений.

Мы расползлись среди тополей. Я заметил, что Скариди держится позади. Прямое попадание раскаленной болванки, которая едва не угробила весь экипаж, страшная смерть стрелка-радиста, начавшийся в танке пожар крепко потрясли его. Понимая психологию новичков, я был уверен, что грек сейчас каждую минуту ожидает нового попадания снаряда. И боится... Ко мне подбежал заряжающий взводного и передал приказ взять под команду танк Скариди, осторожно двигаться вперед и быть готовым прийти на помощь. Сам товарищ Удалов ударит в борт «тигру».

– Ясно, – кивнул я. Коля Ламков недоверчиво покачал головой.

Но Удалов, командир взвода, с которым мы толком не успели познакомиться, знал свое дело и вполне оправдывал фамилию. Он дождался, когда «тигр» приблизится метров на сто пятьдесят, и ударил в борт. Снаряд пошел рикошетом. Второй снова ударил в борт, высек сноп искр. Третий снаряд все же пробил броню и попал в моторное отделение. Но башня с четырехметровым стволом уже поймала в прицел «тридцатьчетверку» взводного. Болванка ударила в маску пушки с такой силой, что пробила насквозь все слои брони и сорвала башню с креплений, отбросив ее на трансмиссию.

Все происходило на моих глазах. Я разглядел обрубок человеческого тела, вспышку, видел, как сиганул через открытый люк рыжий механик-водитель, а секунд через пять сдетонировавшие снаряды отбросили башню прочь и разворотили корпус танка. Груда железа, залитая горячей соляжкой, превратилась в гигантский ревущий костер. С другой стороны поля в «тигр» летели снаряды из танка командира роты и оставшихся с ним машин. Экипаж «тигра» не заметил нас, выводя поврежденную машину с открытого места. Башня была развернута в сторону четырех танков старшего лейтенанта Таранца.

Я выстрелил, целясь в бортовую часть башни. Рикошет. Вторым снарядом я попал в колеса, идущие в два ряда, и, кажется, что-то пробил. Столбами взлетели взрывы гаубичных снарядов. Один рванул рядом с гусеницей, и «тигр» с неожиданной прытью пошел в сторону от нас. Но несколько попаданий сделали свое дело. «Тигр» наконец задымил, потом загорелся. У нас не было времени добивать его. Прямо через деревья шли другие немецкие танки, стреляя на ходу. Чудес не бывает. Вряд ли бы мы что-то сделали вдвоем против роты Т-3 и Т-4, но вместе с поднявшейся пехотой к нам спешили несколько «тридцатьчетверок» нашего батальона.

Понятие «собачья свалка» чаще употребляется в описании воздушных боев. Но сейчас такая свалка образовалась в неширокой лесополосе, сместившись с широкого поля, где продолжалось наступление. Стреляли, порой не видя друг друга. Попаданиям мешали стволы и ветви деревьев. Но уже в одном, другом месте дымили и горели машины. Все же меня спасал приобретенный опыт. Я до крови растер шею (почувствовал лишь позже), стремясь не пропустить нацеленные в машину орудия. Коля Ламков действовал, в общем, умело, хотя с некоторым запозданием.

Он не понимал, что после промаха, даже в сотне метров, надо срочно бросать машину в сторону, и ждал, когда я выстрелю второй раз. Со второго я бы наверняка попал, но поймал бы ответный снаряд. Пока я орал, толкая Ламкова в плечо, короткоствольный Т-4 врезал снаряд в правую часть корпуса над пулеметом. Болванка встряхнула машину и ушла рикошетом, задев башню. Ламков, опомнившись, рванул вперед, я выстрелил почти в упор, но танк подбросило на кочке, и снаряд прошел мимо.

– Гони! – кричал я, а Леня Кибалка загонял новый снаряд.

Я бы все равно не сумел опередить этот Т-4 с его толстой короткой пушкой, но из-за спины ударила догнавшая нас «тридцатьчетверка». Болванка, выпущенная с восьмидесяти метров, пробила лобовую часть немецкого танка между пулеметом и смотровой щелью механика-водителя. Этот снаряд спас нашу машину, не дав возможности немцам выстрелить. Зато выстрелили мы. Попали, хоть с запозданием, но удачно. Из боковой дверки вывалился танкист в черной куртке, а следом выплеснулся язык горящего бензина.

Нас было больше, и мы атаковали. В руках атакующих – инициатива. Я все же подбил в этом бою один Т-4, влепив снаряд в дверцу башни. Не удержавшись, закрепляя счет, ударил вторым снарядом в выломанный проем и понесся дальше, подгоняя Колю.

Мы прорвались почти до хутора, но сильный огонь противотанковых пушек заставил нас отступить, стреляя осколочными снарядами по вспышкам 75-миллиметровок. Наше командование понимало, что за ночь немцы укрепятся. На прямую наводку выкатили дивизион 122-миллиметровых гаубиц. С расстояния менее километра, под сильным минометным огнем, дивизион выпустил сотни три снарядов, заново перемешав кучи глины, кирпича, засыпая подвалы – доты. Только после этого мы взяли хутор.

Срочно окапывались, искали готовые убежища. Кидали в уцелевшие подвалы гранаты. Иногда вместе с взрывом раздавался крик обреченных немцев. Четверо фрицев, выставив палку с грязным полотенцем, сдались в плен. Их погнали в тыл. Ротные командиры, получив инструкции, расставляли танки. В нашей первой роте из десяти машин осталось пять. Шестой танк чинили ремонтники. Обещали к вечеру восстановить. Несмотря на потери, ротный Антон Таранец выглядел веселым.

– Алексей, принимай взвод. Вечером обмоем.

Так, через полтора года войны я принял свой первый взвод, состоявший из двух танков и уцелевшего механика-водителя погибшего взводного. В отношении его у меня уже были планы, и я сразу предложил ему:

– Пойдешь ко мне механиком?

– Пойду, – закулив и малость подумав, отозвался тот. – Меня, кстати, Иваном Федотовичем кличут. А фамилия тоже Иванов. А то литр вместе выпили и даже не познакомились.

Таранец дал согласие на перевод. Ламков обиделся едва не до слез. Но стрелок-радист и заряжающий доходчиво объяснили ему.

– Мы жить хотим, Колян. Тебе еще учиться надо. Учись с кем-нибудь другим. И не хнычь, дурак! Пока в резерве побудешь, подуркуешь. А нам опять в бой.

Иванов уже осматривал свое новое место, двигал рычагами, что-то бормотал под нос. Ротный Таранец, отозвав меня в сторону, спросил:

– Как Скариди себя в бою вел?

– Это мы у него сейчас спросим. Анастас, иди сюда.

Когда он подошел, я приказал:

– Доложи командиру роты, сколько выпустил в бою снарядов.

Младший лейтенант замялся. Выглядел он неважно. Растерянный, хоть и пытающийся казаться бодрым. Бушлат с оторванными пуговицами, в пятнах крови, на поясе зачем-то висел немецкий нож-кинжал в кожаных ножнах.

– Точно не помню. Надо сосчитать.

– Считай, – сказал я и обернулся к Лене Кибалке. – Сколько мы с тобой снарядов выпустили?

– Двадцать семь бронебойных и девятнадцать осколочных. Всего – сорок шесть штук. Может, на один ошибся.

Вернулся от своего танка Анастас Скариди. Догадался застегнуться на все пуговицы, туго подпоясать бушлат. Козырнул ротному:

– Докладываю, что экипажем танка выпущено по врагу шестнадцать снарядов.

– Экономил боеприпасы или отсиживался?

– Ну, вы же знаете, нам прямо в лоб снаряд закатили. Стрелка-радиста убили, пожар начался.

– Брось, Анастас, – перебил его Таранец. – Погиб товарищ. Что ж теперь, не воевать, весь бой оплакивать его? Приводи машину в порядок и больше не вздумай от боя уклоняться. Стрелка-радиста я тебе дам. Пробоину чем-нибудь заделайте и кровь обмойте. Пулемет-то цел?

– Целый.

– Ну, иди.

Когда подавленный и растерянный младший лейтенант пошел к своему танку, Таранец достал папиросы, протянул мне одну.

– Подломился парень. Я его понимаю. Рядом парнишку насквозь продырявило, кровяща, одежда горит.

– Оба запасных бака сорвало, – добавил я. – Один сильно горел.

– За тобой, Алексей, наверное, прятался? – Не дождавшись ответа, выругался: – Мы тоже с полсотни снарядов выпустили. А этот – шестнадцать. Прятался! Поговори с ним еще. Мне балласт не нужен.

Съездили на мотоцикле глянуть на подбитый «тигр». Насчитали штук двадцать попаданий. Большинство снарядов не пробивали броню тяжелого танка с 88-миллиметровой пушкой. Нашел я след и своего снаряда. Болванка пробилла два металлических колеса, сорвала их с оси. Обратили внимание на непривычно широкие гусеницы. О «тиграх» мы тогда знали лишь понаслышке, и вот теперь представилась возможность рассмотреть нового противника вблизи. О «тиграх» будут много говорить и после войны, но в те минуты, обходя шестидесятитонную громадину, я понял, что нам приготовили подарочек еще тот. Единственное, что отчасти успокаивало, этих тяжелых машин у фрицев было пока немного.

Подтянулась пехота. Полезли за трофеями. Танкисты и десантники их опередили. Некоторые уже ходили с немецкими автоматами. Так как кухня опаздывала, перекусили сухим пайком и трофейными консервами. Немного выпили. Напряжение боя постепенно уходило, хотя все мы знали, что передышка временная. Мелькнуло в голове, что, возможно, надо было, не останавливаясь, идти дальше, к станции. Глянул на многочисленные тела бойцов, разбросанные на пашне, несколько догорающих танков. Отозвал в сторону Анастаса Скариди и показал на поле:

– Видел? Там и наш взводный остался. Не побоялся с «тигром» схватиться.

Грек, видимо, выпил водки больше, чем положенные сто граммов. Вел себя агрессивно и оправдываться не собирался:

– Тебе легче бы стало, если б я там догорал? Чего спектакль устроил? Кто двадцать, а кто сорок снарядов выпустил? У меня два попадания в танк. Фрицевская болванка в десяти сантиметрах прошла. Чуть левее, и меня бы насквозь продырявило.

Я понял, что отчитывать на манер политруков взвинченного да еще выпившего командира танка бесполезно. Экипаж был явно на его стороне. Правильно сделал младшой, что на рожон не лез. Получили попадание, человек погиб, куда еще рваться.

– Черт с тобой, Анастас. Если решил и дальше в хвосте плестись – валяй! То, что трусом прослывешь, тебя, видать, не волнует. Зато живым останешься.

– Быстро ты, Алексей, изменился. Не успели взводным поставить, уже за воспитание принялся. Год или полтора этой должности ждал. А там глядишь, ротного заменишь.

– Пошел на х...! – выругался я.

– Пойду, а что же мне остается. Не всем такими героями быть, как ты.

В общем, поговорили. Как меду напился.

Получил для пополнения взвода легкий Т-70, который привели в порядок ремонтники. К своему удивлению, водителем-механиком на нем оказался Коля Ламков, а командовал легким танком старшина с густыми светлыми усами. Старшина доложил по форме, а я показал ему место, где оборудовать капонир.

– Распорядились бы в помощь пару-тройку пехотинцев дать, – попросил старшина. – У нас экипаж всего два человека, а у меня рука зашибленная.

Я выделил трех десантников, а ко мне, вроде за лопатой, подошел Ламков. Вот еще один обиженный. У Т-70 только лоб нормально бронирован, а борта всего 15–20 миллиметров. Любая пушка пробьет. Его приняли на вооружение с прошлой весны, но за год он безнадежно устарел. Конечно, Коля чувствовал себя почти обреченным и всерьез обижался на меня.

До позднего вечера мы зарывались в землю, оборудовали щели для укрытия от бомб. К ночи подошла еще пехота и штук девять танков. Меня поразили их вид. Все они вышли из ремонта. Отчетливо виднелись заваренные пробоины, колеса отличались по цвету и были сняты с других машин. Кроме «тридцатьчетверок», легких БТ-7 и Т-70 я увидел даже трофейный чешский танк с установленной нашей 45-миллиметровой пушкой. Не от хорошей жизни собирали и срочно вводили в строй все, что можно.

С утра дважды налетали «юнкеры». Оба раза штук по шесть. Одну бомбежку сорвали наши истребители, вторая обрушилась на танковые позиции и гаубичный дивизион. Потом начались артобстрел и танковая атака. Атаку мы отбили и контратаковали. Хотя и без особого успеха, но с позиций немцы нас не сдвинули.

Восьмого марта снова потеплело, день был пасмурный. Он запомнился мне не потому, что был женский праздник. Нам было не до праздников. Мимо нас вдоль Полтавского шоссе двигалась на Харьков огромная масса немецких войск. Это была знаменитая дивизия СС «Райх» и приданные ей части. С нашими силами пытаться что-то сделать было бесполезно. Несколько раз на низкой высоте проносились группами по 6–9 машин, штурмовики «Ил-2». Раздавались взрывы бомб и ракетных снарядов. Не обращая внимания на огонь зенитных установок и крупнокалиберных пулеметов, штурмовики обстреливали колонны из своих 23-миллиметровых пушек. То в одном, то в другом месте горела немецкая техника. Среди висящих над землей облаков самолеты появлялись и исчезали очень быстро. Немцы в такую погоду не летали.

Но остановить огромную массу немецких войск самолетам-штурмовикам, да и нашей артиллерии, было не под силу. Позже, мне приходилось читать, что «под ударами советской авиации движение дивизии „Райх“ было парализовано». К сожалению, это не так. Тягачи

быстро оттаскивали в стороны подбитые машины, а колонны танков, бронетранспортеров, машин, конных повозок продолжали движение через пробитый коридор.

Последующие дни мы вели бои, нанося удары с флангов. На большое наступление сил не хватало. Порой случалось так, что, отстрелявшись и оказавшись без пехоты, мы возвращались на исходные позиции, а их уже заняли немцы. Помню, что однажды в такой ситуации нас спас Т-70, куда перевели Колю Ламкова. Немцы пропустили легкий танк, который шел впереди, надеясь, что следом влетит под огонь противотанковых орудий основная часть машин. Комбат Колобов, словно предчувствуя засаду, приказал сбавить ход.

Т-70 открыл огонь по ближайшей пушке и, крутнувшись, рванул назад. Из люка полетели красные ракеты – сигнал опасности. Смелым везет. Вначале фрицы не стреляли по танку усатого старшины, потом все же ударили, но юркая машина высотой немногим выше человеческого роста на полном ходу вылетела из-под огня. Снарядами лишь сорвало запасное колесо с брони и разбило глушитель одного из двигателей.

Комбат обещал представить экипаж к наградам, хвалил старшину и Колю Ламкова. Но какие там награды, если положение с каждым днем ухудшалось! Мы теряли людей, машины, все трудней становилось эвакуировать раненых. Почти прекратился подвоз боеприпасов. Харьков был обречен, все это понимали, несмотря на слухи одвигающихся на помощь свежих дивизиях. После напряженной Сталинградской битвы, последующего наступления широким фронтом вдоль Дона дополнительных дивизий и техники просто неоткуда было взять.

ГЛАВА 3

Позже Харьков назовут даже «проклятым местом» для Красной Армии. Судьба города, через который прокатывалась вторая волна немецкой оккупации, действительно трагична. Наши части, особенно сражающиеся восточнее города, попадали в окружение, погибли целые полки, снова тянулись колонны пленных. Приводились разноречивые данные о наших потерях, а в шеститомнике «История Великой Отечественной войны», изданном в начале шестидесятых годов, такую цифру я не нашел вообще.

В более поздних источниках, а также в зарубежных исторических материалах отмечалось, что войска Красной Армии сражались за Харьков самоотверженно. Погибли около 25 тысяч советских бойцов и офицеров, мы потеряли 700 танков, но в плен немцы сумели взять, несмотря на кольцо окружения, около 9 тысяч человек. Устроить нам Сталинград под Харьковом фрицам не удалось. Многие части вырвались из окружения, да и потери немецких войск были весьма немалые.

Характерно, что в сводках Информбюро сообщение о потере Харькова прозвучало лишь один раз – 17 марта 1943 года. А ведь в окрестностях города еще шли бои. Стыдиться нам было нечего. Однако о Харькове больше не вспоминали до августа, когда он был окончательно освобожден войсками Красной Армии в ходе Белгородско-Харьковской операции.

Но я снова вернусь к марту сорок третьего. Несмотря на все трудности, бои в условиях окружения с ограниченным количеством боеприпасов, немцы несли значительные потери. Это был уже далеко не сорок первый год. Подбитые и сожженные немецкие танки, бронетранспортеры, грузовики оставались на местах прорывов. Мне пришлось читать документальные книги, выпущенные в 70–80-х годах. Как танкист, я просто не мог понять логику людей, преподносящих такие лихие эпизоды.

«В этом тяжелом неравном бою отважные артиллеристы командира взвода Н. из двух 45-миллиметровых пушек подбили и сожгли 11 танков...

...В результате напряженного боя расчет 76-миллиметрового орудия подбил девять танков, два 75-миллиметровых орудия, уничтожил около 150 солдат противника».

Неужели взрослый человек, а тем более фронтовик, поверит в эти и множество подобных эпизодов? Мы что, сражались с оловянными солдатами и картонными танками, уничтожая одним взмахом целую танковую роту? У нас в бригаде были экипажи, практически не успевшие ничего сделать, с точки зрения таких счетоводов. Они выполняли приказ, шли в атаку и погибали, порой лишь успев увидеть вспышку дальнобойного орудия, стрелявшего из засады.

Мне приходилось встречать возле Харькова в те мартовские дни на разных участках и десять, и двадцать подбитых немецких танков. Но платили мы за их уничтожение дорогой ценой. Не считая смешанных с землей противотанковых пушек, стояли остовы наших сгоревших машин. Нравится «книжным» патриотам или нет, но сожженные немецкие танки или раздавленные орудия обходились нам жизнями десятков и сотен бойцов. Мы везли на броне смертельно раненных, обгорелых до костей товарищей. Они умирали, или их страдания обрывали осколки и пули.

Манштейн бросил на взятие Харькова все, что имел под руками, умело перебрасывая войска с участка на участок. В небе хозяйничала немецкая авиация. Мы не выходили из боев по два-три дня подряд.

Однажды я заснул, лишь только машина остановилась. Мне дали поспать часа четыре, и я пришел в себя. Вылез из танка и увидел, как Леня Кибалка и Боря Гаврин тащат на плече по снаряду. Оказывается, неподалеку стояла разбитая «тридцатьчетверка». Но снарядов было мало, особенно бронебойных. Патронов тоже не хватало, и мы рылись в траншеях, распахан-

ных снарядами, минами, гусеницами немецких танков. Мы ковырялись среди трупов, разыскивая смятые цинки с патронами, уцелевшие гранаты, еду, бинты, которых нам постоянно не хватало. Мы выгребали подсумки мертвых бойцов, стараясь не смотреть на их лица.

У меня во взводе остались две «тридцатьчетверки». Легкий Т-70 был разбит. Погиб уса-тый старшина, с которым мы едва успели познакомиться. Коля Ламков уцелел и стал пятым членом экипажа в машине Анастаса Скариди. Младший лейтенант пришел в себя после потрясения первого боя, когда продырявили его танк и убили стрелка-радиста. Дырку забили металлической пробкой, и грек воевал не хуже других.

Мы продолжали попытки прорвать с внешней стороны немецкое кольцо вокруг Харькова. Танков было мало, особенно бедствовали мы без горючего и боеприпасов. Антон Таранец пришел от начальства. Мрачный, осунувшийся, он не скрывал своего мнения, что если не дадут приказа на отход, то бригада не сегодня-завтра будет уничтожена.

– С чем наступать? Ветер броней разгонять. У меня всего шесть противотанковых снарядов. Алексей, бери Скариди и дуйте на разъезд Восьмой километр, – он расстелил карту и показал место. – Здесь боеприпасы и горючее сгружали. Может, что осталось.

Местность была напичкана наступающими немецкими войсками.

Повсюду, как островки, находились, не получая приказа на отход, артиллерийские батареи и пехотные части, тыловые подразделения. Пока ехали, дважды попали под обстрел. Возле траншеи, вырытой на обочине дороги, нас остановил капитан. Расспросил про обстановку. Узнав, что мы едем на Восьмой километр, попросил взять пяток бойцов.

– Может, и мы чем-нибудь разживемся. У меня к пулеметам всего по три сотни патронов. Глянь, чем воюем!

Мне показали самодельную противотанковую гранату. Обструганную палку с прикрученными проволокой двумя толстыми шашками и ручной гранатой «РГД-42», как взрыватель.

– Эта штука мне по сорок первому знакома, – засмеялся я. – Мы их «чуча-мама» называли. Гусеницу порвет, если удачно бросить.

Увидел я и «максим» с кожухом, плотно замотанным обледеневшим брезентом. Внутри продырявленного кожуха была вода со льдом. Мне объяснили, что при стрельбе лед быстро тает, и приходится держать мелко наколотый лед или воду, смотря по погоде. Капитан мне пришелся по душе. И то, что был побрит, с чистым подворотничком, туго затянутой телогрейкой, с кобурой и планшеткой на ремне. Неподалеку стояли два сгоревших немецких танка Т-3.

– Ваша работа? – спросил я.

– Нет, – покачал он головой. – Батарея «сорокапятков» подбила.

– А сейчас пушки где?

– Разбили фрицы. Но они эти два гроба раздолбали. Один и мы добивали. Бутылками с бензином.

К разъезду добрались благополучно. Обнаружили у насыпи «ЗИС-5» с поврежденным мотором и несколько тыловиков. Ждали, пока водитель и его добровольные помощники отремонтируют машину. На меня смотрели с опаской. Наверное, боялись, что я их погоню в окопы, как это часто случалось с отставшими от своих тыловиками. Полустанок был разбит авиабомбами и артиллерией. Множество воронок, торчавшие обломки рельсов, разбитые и сгоревшие вагоны, платформы. Месиво ломаных, как спички, шпал, остовы грузовиков, пушечные лафеты, множество закопченных снарядных гильз, невзорвавшиеся головки снарядов, ключья брезента... Оглядев несколько более-менее сохранившихся вагонов, я спросил у тыловиков:

– Тут комендант или кто-то ответственный есть?

– Никого нет. Если харчами поживиться решили, то поздно. Пшеницу горелую и ту растащили.

– Харчами и спиртом мы у вас разживемся, – резко ответил я. – Но сначала нам боеприпасы нужны.

– У нас ничего нет, – слишком поспешно ответил лейтенант, видимо, старший среди тыловиков. – А снаряды в ящиках вон на той платформе лежали.

У лейтенанта были добротные яловые сапоги, полушубок с погонами, да и остальная компания была одета по первому сроку. Я увидел, что лейтенант растерян, а в кузове лежат двое раненых. Интендантам тоже досталось, машину продырявили, поэтому и смыться не успели.

– Ладно, пойдем, покажешь, где снаряды и патроны. Захвати с собой своих бездельников. Нечего им тут рот ра зевать. Анастас, ты с Кибалкой дорогу под прицел возьми.

Провозившись с час, мы перенесли на танки сотни две снарядов для «тридцатьчетверок», десяток ящиков сорокапятимиллиметровых снарядов. Нашли патроны в цинках и старые гранаты «РГД-33», которые мы не любили из-за сложности в обращении. Но все же взяли ящиков пять гранат. Пехотинцы, посланные капитаном, набивали боеприпасами вещмешки, связывали цинки обрывками брезента. Радовались:

– Теперь жить можно. Жаль, пожрать и махорки нет. Насчет «пожрать и махорки» я обратился к лейтенанту, показав на хорошо загруженный «ЗИС». Лейтенант замялся, а один из его помощников сообщил, что последние консервы раздали вчера вечером каким-то танкистам.

– Танкистов «каких-то» не бывает, – веско ответил я. – Найду харчи, отправишься со мной в качестве десантника. О, да у тебя даже автомат имеется! А у меня на восемь десантников всего три «ППШ». Ты, пожалуй, мне пригодишься. С начальством я вопрос решу.

Сержант с автоматом со страхом смотрел на меня и дергал за полушубок лейтенанта. Оказалось, что автомат тыловикам не очень нужен, и мне его отдали вместе с двумя запасными дисками. Порывшись в ящиках и мешках, отыскиали еду. Выделили нам двадцать банок консервов, полмешка сухарей, брикеты с пшенной кашей и сколько-то махорки. Кроме этого, спасая помощника, лейтенант вспомнил, что на площадке за будкой обходчика стоят бочки с соляркой и бензином. Заправились под завязку и даже наполнили запасные баки. Из брикетов и тушенки сварили два ведра супа и, обжигаясь, выхлебали его вместе с десантниками и пехотинцами капитана. Оставшиеся харчи бросили в танк, подкормить ребят.

– Повезло тебе, сержант, – смеялся мой новый механик-водитель Федотыч. – У нас десантников нехватка. Ты бы как раз подошел.

Высоко в небе в сторону Харькова шли немецкие двухмоторные «хейнкели». Мы затопились. Лейтенант и его подчиненные проводили нас с явным облегчением. Тем более что у них уже завелся мотор, и водитель торопливо скреплял проволокой трубки и шланги. Отъезжая, смеялись. Все же боеприпасами и горючим разжились. Сытые. Ну и сглазили свою удачу.

Обратный путь оказался несчастливым. Ехали вроде осторожно, но грохот «тридцатьчетверки» слышно издали. Вынырнув из-за поворота, вдруг увидели два тупорылых грузовика. Немцы уже отцепили гаубицы. Одну спешно наводили на нас, вторую разворачивали за станины. До них было метров сто с небольшим. Танк Анастаса Скариди рванул вперед и, обгоняя меня, мчался на немецкие гаубицы. Наверное, самолюбивым парнем двигала обида, что его считают трусом. Желание загладить свое вялое поведение в предыдущем бою толкнуло младшего лейтенанта на отчаянный поступок. Он успел выстрелить на ходу. Конечно, промазал, а с трансмиссии уже прыгивали десантники и пехотинцы с вещмешками, набитыми патронами.

Я слышал треск двух его пулеметов и знал, что сейчас произойдет. Но целиться мне мешала летящая по прямой «тридцатьчетверка» упрямого грека. Я выстрелил в тупой лоб грузовика, с крыши которого частыми вспышками бил пулемет, затем ахнула гаубица. Оскольно-фугасный снаряд, который в спешке загнали в ствол немецкие артиллеристы, весил 15 килограммов. Если бы ударили бронебойным, проткнули и зажгли танк в момент, не оставив в живых никого из экипажа. Но снаряд взорвался рядом со стволом «тридцатьчетверки». Толстая пушечная подушка и лобовая броня под ней выдержали взрыв, хотя пушку снесло начисто, а башню сорвало с погона и развернуло. Иван Федотович Иванов, наш механик, не дожидаясь

команды, вылетел на обочину. Я, торопясь, выпустил снаряд, который взорвался метрах в пяти позади гаубицы, но оставшиеся в живых артиллеристы заряжали свою гаубицу. Без надежды, зная, что не успеют. Но заряжали. И позади уже наводила ствол вторая гаубица.

Я ударил бортом, перевернув первую гаубицу, и, влетев на вторую, завяз гусеницами в металле. Механик с руганью дал задний ход. Ствол с дульным тормозом тащился следом. Щит, колеса и станины запрокинулись.

– Из пулемета режь! – крикнул Федотыч.

Я и сам, видя, что цели находятся в мертвом пространстве пушки, высаживал диск, давя на спусковые педали. Двое артиллеристов упали, еще двоих мы догнали. Крики, хруст тел были слышны даже сквозь рев двигателя. Потом мы протаранили грузовик, пытавшийся развернуться. Еще несколько фрицев убегали к кустам. Я не сумел их достать, потому что Леня Кибалка вставлял новый диск. С запозданием выпустил его по кустам и добавил осколочный снаряд.

Самое странное, что грузовик, в который я всадил бронебойный снаряд, тоже удирал с оторванным бортом кузова. Я выстрелил вслед. Водитель вильнул за деревья и помчался прочь. Подоспевшие пехотинцы азартно садили вслед из винтовок, но умелый шофер нас перехитрил. Зато никуда не делись обе гаубицы, исковерканные, сплюснутые. Вокруг ворочались несколько тяжелораненых из расчетов. Их постреляли пехотинцы капитана, а мы подлетели к танку Скариди. Сначала вытащили стрелка-радиста. Осколками брони у него была изрешечена голова и верхняя часть туловища. Он уже не дышал. Остальной экипаж был контужен, а младшего лейтенанта сильно ударило о броню и пробило осколками. Из рта и ушей текла кровь. Скариди, сделав несколько шагов, свалился.

Механик-водитель бормотал что-то невнятное, вытирая кровь из носа. Больше всех был поражен и напуган Коля Ламков, пересевший на обратном пути на трансмиссию танка, так как боевое отделение было забито снарядами. Три дня назад он едва успел выскочить из легкого Т-70, сгоревшего от прямого попадания в лоб, и вот теперь только случайно не попал под гаубичный снаряд. Анастас Скариди умирал. У него была сломана грудная клетка и отбиты легкие. Агония длилась недолго, и веселый грек из Мариуполя, неестественно вытянувшись, умер у нас на глазах. Я, уже привыкший к смертям, с трудом сдерживал дрожь.

Младший лейтенант Скариди подставил свой танк под выстрел гаубицы, фактически прикрывая мой экипаж. Он поступил, с военной точки зрения, сторяча. Не рассчитал, что немцы успеют выстрелить. Скариди надеялся опередить фрицев, раздавить орудие, но это обернулось смертью двоих человек. В любом случае в смелости Анастасу было не отказать. Хотя экипаж считал по-другому. Надо было вести огонь с места. Танковые пушки гораздо скорострельнее гаубиц с раздельным заряджением. Но на войне всего не считаешь.

Танк, хоть и без пушки, с поврежденной башней, мог двигаться. За рычаги посадили Колю Ламкова. Отвезли пехотинцев на их позицию и вернулись к себе. Командир роты, выслушав меня, скривился, как от зубной боли. Откинув брезент, глянул на трупы.

– Людей плохо обучаем. Сами на смерть нарываюся... Хотя парень – герой. Ты, Алексей, грамотный, напиши представление на «Отвагу». А танк отгоните к ремонтникам, пока они еще здесь.

Поговорили с лейтенантом Женей Рогозиным, с кем вместе лежали в госпитале. У него во взводе остался единственный танк, которым он же и командовал. Рогозин пожаловался, что комбат ему достался шальной. Гонит танки, не разбираясь, что ждет впереди. Потери несут огромные. Покурили. Потом подвезли еще снаряды, приехала полевая кухня, и мы впервые за несколько дней наелись досыта. Вместе с пополнением откуда-то пригнали трофейный немецкий танк Т-4, с усиленной броней и щитами, закрывающими борта и верхнюю часть колес.

Кресты замазали, нарисовав пятиконечные звезды. Механик испытывал его в низинке, потом сделали несколько выстрелов в сторону немецких укреплений.

– Подходящая машина, – сказал наш комбат Колобов. – Ну, что, Петренко, возьмешь?

– Ни, – упрямо качал головой танкист, видимо оставшийся «безлошадным». – Меня либо немцы прибьют, либо свои. И звезды не помогут. Я уж лучше тогда с пехотой пойду.

Таранец предложил комбату закопать танк поглубже и использовать как неподвижную огневую точку. Благо снарядов хватает. На том и сошлись. Я спросил у ротного, откуда взялся трофей.

– Заблудился. Здесь же хрен поймешь, где ваши, где наши.

– А экипаж?

– Чего экипаж? Нам что, есть куда их девать! Постреляли.

На следующий день, собрав имевшиеся силы, командование предприняло попытку прорвать на нашем участке кольцо вокруг осажденного города, чтобы помочь его защитникам. Это было безнадежное дело. Пехота наступала вяло, а поле и перелески кипели от многочисленных взрывов. Мы прорвались на горящую улицу пригородного поселка. Из обломков кирпичного двухэтажного здания и вырубленного зимой сада били сразу три или четыре противотанковые пушки. Две «тридцатьчетверки» горели, третья, поврежденная, уползала за дом. Уйти ей не дали и тоже подожгли. За нашими танками жались в кучку с полсотни пехотинцев. Остальные отстали. Таранец приказал мне обойти здание слева, а он с двумя оставшимися в роте танками ударит с правого фланга. Я подозревал младшего лейтенанта, командующего пехотинцами.

– Не отставайте! Нам без вас – каюк. И вы без танков пропадете.

Младший лейтенант, белобрысый, в телогрейке, с автоматом «ППШ», согласно кивал.

– Ну, чего ты киваешь? Бегите за мной и не отставай те. Меня там в этой мешанине в упор гранатами закидают. Вышибай пехоту.

– Ты сначала пулеметы подави!

Наконец сговорившись, я двинулся по горячей улице и обошел здание с тыла. Сразу же наткнулся на пулеметное гнездо, разбил его снарядами. Вылетев на секунду из-за угла дома, всадил еще два снаряда в пушечную амбразуру. Со второго этажа захлопало противотанковое ружье. Пехотинцы сбили его огнем из автоматов и винтовок, ворвались в здание. С другой стороны двора стреляли оба наших танка. В доме гремели гранатные взрывы. Потом ахнуло так, что вылетел кусок стены. Наверное, взорвались снаряды. Человек семь немцев спрыгнули из окон прямо у нас за спиной. Мы лихорадочно развернули башню и ударили вслед. Фрицы отступать умели, в кучу не собирались. Осколками срезало двоих, третьего я догнал пулеметной очередью, а остальные исчезли. Из дома выходили пехотинцы, видимо, гарнизон был уничтожен. Сразу послал Бориса за трофеями.

– Бери в первую очередь харчи и спирт. Автоматы и гранаты, если попадутся.

Боря Гаврин за неимением рации считался порученцем по всем вопросам. С едой были перебои, последнюю неделю харчи доставляли через день-два. Надеялись только на себя. Два автомата «ППШ» мы имели, не считая пистолетов и «наганов». Но лишнее оружие и гранаты в условиях уличных боев не помешают. Гаврин принес несколько гранат, два плоских штыка от немецких винтовок и шерстяное одеяло. Пожаловался, что ни еды, ни спирта не нашел. Разве пехоту опередишь! В бою за нами прячутся, а за трофеями – первые.

– Этот дом пехота отбила, – сказал я. – Много там фрицев валяется?

– Штук пятнадцать есть. И наши лежат. Хоронить некому.

Двинулись было дальше. Вдруг танк крутнуло. Механик Федотыч, выскочив, с руганью пинал железо. Оказалось, в горячке нам перебило гусеницу. Она продержалась метров пять и сразу лопнула. В доме были установлены две 75-миллиметровки, третья – замаскирована в окопе среди сваленных деревьев. Все они были разбиты, успев сжечь три наших танка и еще один повредить. Небольшой гарнизон постреляли пехотинцы. На землю под дерево положили

шесть трупов наших ребят, человек десять были ранены. Несколько трупов остались в сгоревших танках. Такую немалую цену мы заплатили за уничтоженный опорный пункт и противотанковую батарею.

Экипаж вместе с десантниками торопливо натягивал гусеницу. Глядя на разбитые пушки, невольно казалось, что если мы продвинулись здесь вперед, уничтожили опорный пункт, то и в других местах дела идут успешно. К сожалению, все обстояло не так. Стрельба шла повсюду, даже в тылу. Это был нехороший признак.

Меня подозвал механик-водитель и сообщил, что задето ведущее колесо. Надо его снять, заново крепить. Работы не меньше чем на час или два. Но командира роты уже торопили по рации. Надо продолжать наступление. Два танка – все, что осталось от роты, – с десантом на броне двинулись дальше. Нам было приказано быстрее заканчивать ремонт и догонять роту. В воздухе висела сплошная пелена копоти. Дом уже горел вовсю. Ветер крутил над крышей языки пламени, в которых сгорали прошлогодние листья, наши и немецкие листовки. Изредка внутри дома взрывались ручные гранаты и трещали в огне патроны, выбрасывая снопы искр. Гремело по-прежнему со всех сторон, а особенно по периметру города. Когда мы закончили ремонт и Федотыч прогнал для пробы танк по двору, ко мне подошел молоденький сержант, раненный в шею.

– Нам что делать, товарищ лейтенант? Меня с санитаром оставили тяжелораненых охранять. Немцы прорвутся, всех побьют.

Я посмотрел на четверых тяжелораненых бойцов, лежавших на шинелях. Те из раненых, кто мог уйти, уже ушли. За этими обещали прислать подводы. Тяжелый снаряд поднял столб земли и камня метрах в сорока от нас. Все невольно присели. Вряд ли этот паренек дождетсЯ подводы.

– Может, добросите нас хоть до траншей, – умоляюще смотрел на меня сержант. – Всего пара километров. Десять минут туда и обратно.

– Нет, – покачал я головой. – Если увидят наш танк, идущий в тыл, меня без разговоров шлепнут. Несите раненых вон туда, за деревья. Я кого-нибудь пришлю. Обещаю.

Когда спрыгивал в люк, паренек сквозь шум мотора крикнул, чтобы я не забыл. Судьба! Она идет на войне рядом с каждым человеком. Этот час ремонта, возможно, спас меня и экипаж. Вскоре мы наткнулись на отступающих бойцов. Многие были ранены. Потом отступающих стало больше. По улице бежали десятки людей.

– Куда? – высунулся я из люка.

– В жадницу, – шепеляво отозвался пехотинец с перевязанной челюстью. – Немец со всех сторон прет.

Взорвались подряд три мины, потом еще и еще. Осколок звонко щелкнул о крышку люка. Бойцы бежали, спасаясь от мин, в боковые узкие переулки. Их перехлестывал огонь горящих домов и сараев. Красноармеец, не раздумывая, нырнул в горящий проход, надвинув на глаза шапку. Второй замешкался. Взрыв подбросил и швырнул его на закопченный тающий лед. Мы промчались мимо. «Тридцатьчетверка» стояла посреди улицы без башни и догорала маслянистым, чадным от солярки пламенем. Это был танк нашей роты. Людей вокруг него я не увидел, если не считать сапога, торчавшего из-под башни.

Возле бугра закапывались в землю десятка два бойцов с противотанковыми ружьями. На вопрос, далеко ли немцы, неопределенно махнули руками, показывая в разные стороны. «Тридцатьчетверка» командира роты Антона Таранца стояла у кирпичного амбара, стреляя вдоль улицы и откатываясь после каждого выстрела за амбар. Впереди стояли два наших и один немецкий танк. Все три машины догорали. Снаряд врезался в жестяную крышу амбара. В разные стороны полетели скрученные куски жести, разбитые стропила и мелкий шлак. Мусором засыпало наш танк. Я выскочил и побежал к ротному.

– Леха, кругом мандец! – громко крикнул, видимо оглушенный, старший лейтенант. – Немецкие самоходки из-за каждого угла бьют.

– Куда стрелять?

– Там впереди «артштурм» прижух. Лупит точно в лоб.

– Может, обойти?

Антон с минуту раздумывал, потом крикнул, как глухому:

– Попробуй справа! По параллельной улице. Отсчитай два переулка и на углу хорошо оглядись. Может, в боковину его уделаешь.

На параллельной улице было сравнительно тихо. Бой здесь закончился. Пока ехали, насчитали не меньше полусотни трупов наших бойцов. Возле плетня лежала перевернутая пушка с оторванным колесом. Федотыч шел на средней скорости и по возможности объезжал погибших бойцов. Иногда не получалось, и гусеница накрывала мертвое тело. Слышался ощутимый хруст.

– Чего обижаться? – бормотал механик. – Вам все равно, а нам быстрее надо.

В узкой траншее, прорытой поперек улицы, торчали каски пехотинцев. Здесь укрепились остатки роты. Взводный лейтенант рассказал, что с утра атаковали трижды, пока не убили комбата и комиссара, а в ротах осталось человек по двадцать. Дали приказ держаться на этом рубеже и ждать подкрепления.

– Хорошо, что вы прибыли! Разведка, да?

– Разведка, – ответил я, оглядывая перепачканных сажей и землей молодых солдат.

– Два противотанковых ружья и два ручных пулемета. Долго они не продержатся.

– Здесь где-то стоит в засаде немецкий танк. Как бы глянуть? – спросил я.

– Стоит, сучара, – подтвердил лейтенант. – И бронетранспортер с пулеметами. Скапливаются для атаки. Сам хочешь их уделать?

– Сам.

– А может, своих дождешься?

Я не стал объяснять, что от роты осталось всего два танка, а где наш батальон, толком не знаю. Лейтенант вызвался проводить меня. Проходя мимо убитого бойца, наклонился и выгреб из подсумка несколько обойм. Не поленился передернуть затвор сломанной винтовки и вытряхнул на ладонь патроны. Все это лейтенант делал молча. Дурацких вопросов насчет боеприпасов я не задавал. И так было ясно. Влезли в полуразбитую, но почему-то не сгоревшую хату и с чердака разглядели «артштурм». Плоская буро-зеленая машина стояла в сотне метров от нас. В стороне торчал бронетранспортер и присели на корточках немецкие пехотинцы. Минометчики, приспособив свою трубу в воронке, выпускали по две-три мины.

– Там за поваленным плетнем – окоп, – шептал мне на ухо лейтенант. – Пулеметчики переулок караулят. Сволочи, наших подстерегли и человек двенадцать с ходу уложили. Может, заодно их на гусеницы наматываешь?

– Наматую, – пообещал я. – Ты мне человек пять с собой дашь?

– Дам.

– Давно воюешь?

– С декабря, – ответил лейтенант. – В феврале освобождали Харьков, а спустя месяц опять отдаем. Черт-те что! В полку всю артиллерию повыбили. Хорошо, если пара батарей осталась. У нас в батальоне одни противотанковые ружья. Зато гранат хватает и бутылок с зажигательной смесью.

Мне нравился этот парень, который даже в такой тяжелой обстановке не терял присутствия духа и собирался драться с танками гранатами и дурацкими бутылками, от которых сгорало больше наших бойцов, чем немецких машин. Немцы, наступая, обстреливали все траншеи. Когда возвращались назад, встретили цепочку раненых. Они брели, прижимаясь к плетню. Санитар попросил табачку. Я высыпал две трети своей махорки. Пока раненые свора-

чивали самокрутки, а лейтенант собирал у них гранаты, я узнал, что немцы прут дуром. Форма обычная, а на петлицах значки «СС». Здоровые, мордастые и стреляют разрывными пулями. В знак доказательства один из раненых показал перевязанную ладонь с обрубками пальцев.

Вместе с экипажем обсудили ситуацию. Пришли к выводу, что можно попробовать подкрасться к немецкой самоходке на малом газу. Земля сырая, гребни траков вдавливаются глубоко и не гремят, как обычно, на километр. Свернули в переулок, впереди шли трое из взвода лейтенанта. Выглянув, дали знак, что «артштурм» находится на месте. Я попросил заряжающего Леню Кибалку посмотреть, в какую сторону развернута машина. Леня прибежал через пять минут и показал на пальцах, что машина и орудие стоят под углом сорок пять градусов. Я вздохнул. «Арт-штурмы» разворачиваются мгновенно. Механика и оптика у них отличные. И все же это лучше, чем пушка, направленная в лоб.

– Ну, ребята...

Ребята притихли. Нам предстояло пройти метров восемьдесят, развернуться и примерно с такого же расстояния успеть вклепить болванку в морду «артштурму». За это время он вполне может крутануться и поджидать нас. А может, не успеет... Какая теперь разница.

– Федотыч, давай!

Я рассчитал почти все верно. И в «артштурме» сидели не новички, и развернуться они успели, но с быстрого разворота выстрел у них не получился таким точным. Снаряд прошел рикошетом вдоль борта. Кому-то должно было повезти. Бронебойная болванка, вылетевшая из ствола нашего орудия со скоростью 700 метров в секунду, мгновенно преодолела разделявшие нас метры, проломила броню самоходки рядом с пушкой. Заученным движением Леня Кибалка выкинул гильзу из люка, сунул второй снаряд в казенник. В этот момент замолотил из 20-миллиметровой пушки и бортового пулемета тяжелый вездеход «ганомаг».

По броне нашей «тридцатьчетверки» колотило огромное острое зубило, но я, не желая рисковать, послал еще один снаряд в «артштурм». Из отверстия пыхнуло пламя, а из люка вывалился танкист в черной куртке. Он скатился вниз, вскочил и побежал прочь. Единственный, кто сумел выжить из экипажа самоходного орудия. Вскрикнул Боря Гаврин, а я крутнул башню в сторону бронетранспортера. Снаряд попал в двигатель. Второй снес 20-миллиметровку вместе со станиной, щитом и наводчиком, до последнего момента остававшимся на своем месте.

Остальной экипаж «ганомага» уже выскочил через кормовой люк и, пригибаясь, бежал к выломанному забору. Я выпустил вслед весь диск, двое солдат остались лежать, остальные успели нырнуть в проем. До меня не сразу дошло в горячке, что убит Боря Гаврин. Пуля попала в смотровое отверстие и насквозь пробила голову нашему стрелку-радисту, так и не успевшему обзавестись рацией. Иван Федотович и Леня вытащили его через люк механика. Господи, сколько ему было? Кажется, двадцать. Сколько и мне. А доживу ли я до двадцати одного года – только бог знает. Сорок с лишним дней до 26 апреля – огромный срок на войне. Здесь на час вперед не загадаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.